

Михеева
Наталья Федоровна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Специалист в области романского, сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания методики преподавания иностранных языков. Автор научных работ по диалектологии романско-германских языков, межкультурной коммуникации, новым технологиям в области обучения иностранным языкам.

ISBN 5-209-02001-0

Межвариантная диалектология испанского языка

Н.Ф. Михеева

МЕЖВАРИАНТНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Н.Ф. Михеева

Москва
Издательство Российского университета дружбы народов
2007

Н.Ф. МИХЕЕВА

**МЕЖВАРИАНТНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ
ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА**

Учебное пособие

Москва

**Издательство Российского университета дружбы народов
2006**

ББК

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензент –
зав. кафедрой романского языкознания Воронежского государственного университета
профессор *Ю.А. Рылов*

Михеева Н.Ф.

Межвариантная диалектология испанского языка:
Учебное пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2006.
– 117 с.

ISBN

В пособии освещаются основные проблемы межвариантной диалектологии испанского языка, вариативности и национально-культурной специфики употребления испанского языка.

Цель пособия – расширить и углубить знания лиц, занимающихся испанским языком.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов и языковых вузов.

ISBN

ББК

© Издательство Российского
университета дружбы народов, 2006 г.
© Н.Ф. Михеева, 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
К вопросу об изучении диалектов	7
К вопросу о классификации диалектов романо-германских языков	11
О новом направлении в испанской диалектологии – межвариантной диалектологии испанского языка	28
Об изучении диалектов современного испанского языка	44
Диалекты современного колумбийского национального варианта испанского языка	55
Фонетические особенности испанского языка на территории юго-западных штатов Америки	60
Структурные изменения в лексической системе испанского языка Соединенных Штатов Америки и их юго-запада	65
К вопросу о статусе Spanglish на территории США	76

Sobre la clasificación de los dialectos de las lenguas romano-alemanas	87
Sobre el estudio de los dialectos del idioma español moderno	104
Peculiaridades del funcionamiento de la lengua española en el territorio de los Estados Unidos de América en el aspecto de la comunicación intercultural	112

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если раньше характер преподавания иностранных языков в мире определялся социальными запросами государства, исходя из характера экономических, политических и международных связей, то сегодня в Европе ситуация резко меняется. Многие европейские страны становятся членами Совета Европы, координируя усилия в области разрабатываемых технологий, совместно решая сходные проблемы и устанавливая единые стандартные требования. Благодаря усилиям Совета Европы сложилась единая система оценки знаний в области иностранных языков в Европе. Существует также Ассоциация тестирующих учреждений Европы, разрабатывающих содержание экзаменов и стандарты по европейским языкам. Здесь мы можем опираться на опыт и практику наших европейских коллег.

Что касается изучения испанского языка, то оно характеризуется особой сложностью в силу его широкой территориальной вариативности.

В предлагаемом учебном пособии освещаются темы, прямо или косвенно связанные с вопросами межвариантной диалектологии испанского языка.

Настоящая работа опирается, в первую очередь, на труды отечественных и зарубежных ученых. Известную роль в подготовке материала сыграли исследования автора, в которых, в частности, применялся опрос информантов. Последний осуществлялся как в стенах РУДН, так и непосредственно в некоторых испаноязычных странах.

Ряд разделов учебного пособия написан на основе пересмотренных и дополненных работ автора, посвященных данной тематике.

В силу трудности перевода специальных терминов в учебное пособие включены переводы трех разделов.

Надеемся, что данная книга послужит стимулом для дальнейшей разработки проблем межвариантной диалектологии не только испанского, но и других романских языков.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ДИАЛЕКТОВ

Современные диалекты – результат многовекового развития. Если подойти к диалекту с позиций исторического развития, учитывая при этом и его лингвогеографическую структуру, то представляется удачной по данному вопросу точка зрения В.М. Жирмунского: «Диалект представляет единство не исконно данное, а сложившееся исторически, в процессе общественно обусловленного взаимодействия с другими диалектами общенародного языка, как результат не только дифференциации, но и интеграции: единство развивающееся, динамическое, как о том свидетельствует характер изоглосс языковой карты, наглядно отражающей связь истории языка с историей народа» [Жирмунский В.М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. М., 1954, №4. С. 23].

При этом чешские и словацкие лингвисты выделяют интердиалект. «При взаимных контактах представителей отдельных диалектов устанавливается такой диалектный узус, в котором стираются различия между диалектами и формируется образование высшего порядка. Это образование, наделенное более широкой сферой функционирования, чаще всего обозначается термином «интердиалект». И далее: «диалект переходит на более высокую ступень развития, в результате чего изменяется его положение в иерархии территориальных образований национального языка» [Рунка И. Место диалектов в совокупности образований национального языка // Новое в зарубежной лингвистике: Пер. с чеш. М., вып. XX: Теория лит. языка в работах ученых ЧССР, 1988. С. 256].

Одной из характерных особенностей современных диалектов является высокая вариантность фонетического, словообразовательного, морфологического и семантического облика функционирующих в диалекте слов. Существование в

диалектах вариантных номинаций определяется рядом факторов. Один из них состоит в разрушении архаического слоя диалекта и постепенном забвении звучания и значения многих слов, связанных со старым, ушедшем в прошлое бытом, обрядами, производственными процессами. Такие слова часто воспроизводятся неточно, в искаженном звучании и с достаточно неопределенной, «размытой» семантикой. Усвоение новой лексики, проникающей в диалекты под влиянием городской культуры, также бывает связано с трансформацией звучания и значения литературных слов.

Необходимость изучения динамики современных диалектов выдвигает на первый план диалектологических исследований фигуру конкретного носителя – языковую личность (ЯЛ). В области диалектологии появились исследования, учитывающие культурно-историческую и национальную специфику русской языковой личности (Пауфошима 1989; Нефедова 1997; Никитина 1993). В романской диалектологии подобных работ нами не обнаружено.

Истоки русского языка уходят в глубокую древность. Примерно во II – I тыс. до н.э. из группы родственных диалектов индоевропейской семьи языков выделяется протославянский язык (на поздней стадии – приблизительно в I – VII вв. – называемый праславянским), из которого позже выделились 3 близкородственные группы: восточная (древнерусская народность), западная (на базе которой «сложились» поляки, чехи, словаки, лужичане, поморские славяне) и южная (ее представители – болгары, сербохорваты, словенцы, македонцы).

Русский язык эпохи Московской Руси (XIV – XVII вв.) имел сложную историю. Продолжали развиваться диалектные особенности. Оформились 2 основные диалектные зоны – северновеликорусское (примерно на Севере от линии Псков – Тверь – Москва, южнее Нижнего Новгорода) и южно-великорусское (на Юге от указанной линии до белорусской и украинской областей) наречия, перекрывающиеся другими

диалектными делениями. Возникли промежуточные средне-великорусские говоры, среди которых ведущую роль стал играть говор Москвы. Первоначально он был смешанным, затем сложился в стройную систему. Для него стали характерными: аканье; ярко выраженная редукция гласных безударных слогов; взрывной согласный «-г»; окончание «-ово», «-ево» в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода в местоименном склонении; твердое «-т» в глаголах 3-го лица настоящего и будущего времени; формы местоимений «меня», «тебя», «себя» и ряд др. явлений. Московский говор постепенно становится образцовым и ложится в основу русского национального литературного языка. В это время в живой речи происходит окончательная перестройка категорий времени (древние прошедшие времена – аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект полностью заменяются унифицированной формой на «-л»), утрата двойственного числа, прежнее склонение имен существительных по шести основам заменяется современными типами склонения и т.п.

В XVII в. возникают национальные связи, закладываются основы русской нации. В 1708 г. произошло разделение гражданского и церковно-славянского алфавита. В XVIII и начале XIX вв. получила распространение светская письменность, церковная литература постепенно отодвигалась на задний план и наконец стала уделом религиозной обрядности, а ее язык превратился в своеобразный церковный жаргон.

Структурная дифференциация, которая привела к образованию разных романских языков из народной латыни, началась уже в самой народной латыни с момента романизации областей, присоединяемых к римскому государству. Образование романских языков связано с возникновением «варварских» государств и складыванием этнокультурной общности между завоевателями – германскими племенами – и побежденным населением бывшей Римской империи (V – VIII вв.).

Разговорная латынь, усвоенная варварами, претерпела глубокие изменения и превратилась к VIII веку в различные романские диалекты (языки).

Сегодня насчитывается 11 романских языков: португальский, галисийский, испанский, каталанский, французский, провансальский (окситанский), итальянский, сардинский (сардский), ретороманский, далматинский (исчез в конце XIX в.), румынский и 6 разновидностей романской речи, которые рассматриваются как промежуточные между языком и диалектом: гасконский, франко-провансальский, арумынский, меглено-румынский, истро-румынский и молдавский (диалект румынского, имевший статус государственного языка в Молдавской Республике в составе СССР).

Испанский язык является продолжением и дальнейшим развитием народной латыни, привнесенной на Пиренейский полуостров римлянами во время 2ой Пунической войны (218 –201 гг. до н.э.) и заменившей наречия автохтонного населения – иберов. Последующие завоевания Испании германскими племенами (в V в.) и арабами (с VIII в. по XV в.) оказали влияние только на словарный состав испанского языка. В основу литературного испанского языка лег диалект Кастилии, поэтому испанский язык долго назывался кастильским (el castellano).

Испанский язык распадается на 2 основные группы диалектов: северную, подразделяющуюся на леоно-астурийский и арагонские диалекты, и южную, состоящую из андалусийского, мурсийского и диалекта Эстремадуры (extremeño). В странах Латинской Америки также имеется много территориальных диалектов. Специфические черты испанского языка Латинской Америки относятся, главным образом, к сферам лексики и произношения.

Безусловно, данный вопрос требует дальнейших специальных исследований.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ДИАЛЕКТОВ РОМАНО-ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Под термином *диалект* (греч. *διαλεκτός* от глагола *διαλέγομαι* 'говорить, изъясняться') нами понимается «разновидность того или иного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью» [Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 132]. Диалект входит в состав более обширного языкового образования (общенародный язык), противопоставлен другим частям этого целого, другим диалектам и имеет с ними общие черты. Данное противопоставление существует в течение всей жизни языка, но на разных этапах меняется соотношение этих понятий: на ранних этапах превалирует диалект, в наши дни – литературный язык [См.: *Бородина М.А.* Место диалектологии в курсе истории французского языка // Уч. зап. Горьковского гос. пед. института иностр. языков. Горький, 1958, вып. IX. С. 71 – 79]. Как и общенародный язык, диалект имеет письменную и устную формы, однако, в отличие от общенародного языка, письменное проявление здесь далеко не обязательно. К примеру, из современных диалектов французского языка наиболее последовательно письменная форма имеет место в валлонском диалекте, для которого еще Ж. Феллером в начале XX века была разработана своя система написания [Vea: *Feller J.I.* Règles d'orthographe wallone. Liège, 1905, 2me éd.]. «Письменность остальных современных диалектов французского языка заключается, в основном, в записях фольклорных текстов, иногда – в нормализованной орфографии, чаще в транскрипции» [*Бородина М.А.* Ук. соч. С. 77].

В отличие от современных диалектов, которые французские диалектологи обычно называют «патуа» («patois»), большинство средневековых диалектов имело свою письмен-

ность («scripta»), а также свою литературу, которая различалась по темам и характеру в зависимости от культурно-исторических условий существования данной феодальной территории [Vea: *Borodina M.A. Sur la notion de dialecte (d'après les données des dialectes français)*. Paris, 1961, t. 10, №2. Pp. 286 – 289].

Традиционно различают *территориальные* и *социальные* диалекты. Для определения *территориального* диалекта как части целого (языка) существенны понятия диалектного различия и изоглоссы. Примерами диалектных различий могут быть в русском языке явления оканья, аканья, различения звуков [ц] и [ч] и их неразличение (цоканье), наличие звука [г] взрывного образования и звука [γ] фрикативного образования формы родительного падежа единственного числа, например: *у жене, у сестре* и *у жены, у сестры* и т.д. Изоглоссы разных явлений могут сближаться, образуя пучки. С помощью пучков изоглосс выделяются территории, характеризующиеся относительной общностью языковой системы, т.е. выделяются территориальные диалекты [См.: *Русский язык. Энциклопедия*. М., 1979. С. 70].

Под *социальными* диалектами в отечественной и зарубежной диалектологии подразумевается язык определенных социальных групп. Таковы отличающиеся от общенародного языка только лексикой профессиональные языки охотников, рыболовов и др.; групповые или корпоративные жаргоны или сленги учащихся, студентов, спортсменов, солдат и пр. главным образом молодежных коллективов; тайные языки, арго деклассированных элементов, торговцев и т.п. Таковы также варианты общенародного языка, характерные для определенных экономических, кастовых, религиозных групп населения [См.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 133].

Между *территориальными* и *социальными* диалектами имеются существенные различия: во-первых, в про-

странственном отношении понятие *социального* диалекта значительно шире, чем понятие *территориального* диалекта; во-вторых, особенности *территориального* диалекта касаются всего строя языка, поэтому они являются частью более общего языкового образования, особенности же *социального* диалекта охватывают, как правило, лишь факты лексики и фразеологии [См.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 70].

На протяжении истории, в связи с изменением территориальных объединений, происходит дробление, объединение, перегруппировка диалектов. Границы современных диалектов могут отражать существовавшие в прошлом границы между разными территориальными объединениями: государствами, феодальными землями, племенами. Так, например, после развала Римской империи и фрагментации разговорной латыни возникли романские диалекты, которые первоначально имели равные шансы развития в полифункциональные, нормированные языки. Но в силу действия причин политико-экономического характера одни письменные традиции смогли сохраниться и развиваться в национальные языки, имеющие общегосударственный или региональный статус (каталанский, галисийский, баскский), другие же многочисленные письменные традиции (такие, как андалузская, арагонская, астурийско-леонская, эстремадурская в Испании; гасконская, провансальская и многие другие во Франции) «замерли» в Новое Время по причине отсутствия политико-экономической самостоятельности соответствующих регионов. Устные же формы диалектной речи продолжали существовать в течение веков, постепенно контаминируясь с литературным языком. Особенно сильно позиции диалектов стали ослабевать, начиная с 60^х годов нашего века, по причине ускорения процессов индустриализации, урбанизации, миграции населения и интенсивного развития средств массовой информации. Однако реакция на эти процессы не замедлила сказаться. Движение за автономию исторических регионов, достигшее своей

кульминации в Испании, знаменует собой начало перехода «от Европы государств к Европе регионов», в которой каждому региону предоставляется известная самостоятельность в разрешении проблем социально-экономического и культурного характера. В борьбе за сохранение национальной самобытности языку отводится важнейшее место в силу его огромной символической и культурной значимости [См.: *Нарумов Б.П.* Соотношение языков и диалектов в романских странах с социолингвистической точки зрения // *Функциональный и методический аспекты изучения иностранных языков.* М., 1993. С. 15 – 16].

В отечественной лингвистике в разработке диалектологии как науки первостепенная роль принадлежит В.М. Жирмунскому, который изучал диалекты (в первую очередь, социальные) на материале немецкого языка.

В своей книге «Немецкая диалектология» В.М. Жирмунский проанализировал диалекты немецкого языка и констатировал, что для областей немецкого языка характерны значительные различия историко-географического характера во взаимоотношениях между общенациональной нормой и диалектами в их социальных разновидностях. Как подчеркивает ученый, диалекты сохранились наиболее прочно на юге, в особенности там, где этому содействовало раннее государственное обособление от германской империи: в Швейцарии, где так называемый «швейцарско-немецкий язык» (*Schweizer Deutsch*) в его местных городских разновидностях является разговорным языком всех классов общества, включая «образованных»; в Эльзасе, где местный немецкий народный диалект противостоит французскому языку как государственному; в Австрии, где городской полудиалект Вены в течение длительного времени являлся нормой, воздействовавшей на местные крестьянские диалекты как объединяющая сила; в значительной степени в Баварии и Вюртемберге, сохранявших до первой мировой войны значительную культурную автономию в рамках бисмарковской империи [См.: *Жирмунский*

В.М. Немецкая диалектология. М., 1956. С. 563 – 573]. Такое положение, согласно мнению В.М. Жирмунского, подсказывает с методической точки зрения необходимость при описании диалекта постоянно учитывать его социальное расслоение и наличие конкурирующих дублетных форм с различным социальным и функциональным приурочением. «Только подобное описание будет соответствовать языковой действительности в ее реальных социально-лингвистических предпосылках» [*Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 394*].

Дальнейшая разработка регионального подхода в отечественной германистике (М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.И. Филичева и др.) связана с длительной дискуссией о территориальной основе немецкого литературного языка и изучением его территориального варьирования. Оно проявляется как важнейшее онтологическое свойство на раннем этапе формирования общенемецкого литературного языка (конец XV века) в наличии конкурировавших и взаимодействовавших территориальных вариантов литературного языка: восточно-средне-немецкого, юго-восточного, юго-западного, нижне-немецкого. Анализ юго-западного территориального варианта немецкого литературного языка посвящено, в частности, диссертационное исследование С.И. Дубинина [См.: *Дубинин С.И. Ареальное своеобразие юго-западного территориального варианта немецкого литературного языка позднего средневековья: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002*].

На материале французского языка Н.А. Катагощина проанализировала (в плане диахронии) процессы формирования французского письменно-литературного языка (на основе сопоставления старофранцузских диалектов XI и XII веков) и пришла к выводу, что в названный период существовали две основные диалектные группы: западная и северо-восточная [См.: *Катагощина Н.А. О соотношении литературного языка и диалектов в старофранцузский период (до XIII века): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1955; Она*

же. Процессы формирования французского письменно-литературного языка // Вопросы языкознания. М., 1956, т. V, №2. С. 27 – 40. По данному вопросу см. также: Сахадзе С.Г. Проблема диалектных влияний в процессе формирования французского письменно-литературного языка (XIII век): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1966]. Западная группа, согласно точке зрения Н.А. Катагощиной, объединяла нормандский, северо-западные, юго-западные и франсийский диалекты. Восточная группа включала валлонский, лотарингский и бургундский диалекты. Пикардский диалект занимал промежуточное положение, сочетая в себе западные и восточные черты. Более своеобразным было положение шампанского диалекта. Н.А. Катагощина отмечает, что «расхождения между старофранцузскими диалектами обнаруживались главным образом в области фонетики (своеобразие развития одних и тех же латинских звуков). Слабее были различия в области морфологии: они заключались в том или ином использовании вариантов общих форм. Ряд явлений мог совпадать даже в наиболее отличных друг от друга диалектах. Таким образом, различия между старофранцузскими диалектами XI – XII веков не носили характера глубоких расхождений в основных звеньях строя языка, – скорее это были лишь известные видоизменения одного общего целого (народной латыни Галлии)» [Катагощина Н.А. Процессы формирования французского письменно-литературного языка // Вопросы языкознания. М., 1956, т. V, № 2. С. 31].

М.А. Бородиной (также в плане диахронии) был исследован лотарингский (территориальный) диалект французского языка в рамках лингвистической географии [См.: Бородина М.А. Лотарингский диалект французского языка (к вопросу о лингвогеографическом исследовании диалекта): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1962]. М.А. Бородина рассмотрела фонетические, грамматические и лексические особенности лотарингского диалекта. В частности, в том, что касается лексических характеристик лотарингского

диалекта французского языка, М.А. Бородиной было обнаружено более ста зон лексем: зоны «архаизмов», неологизмов, собственно лотарингизмов, диалектных географических вариантов, германизмов и т.д. К примеру, зоны «архаизмов» в большинстве случаев образованы из лексем, в прошлом общефранцузских, теперь же употребляемых только или преимущественно в Лотарингии. Так, слова *braire*, *ersoir*, *coche*, *flairer*, *géline*, *jotte*, *chausse* были общефранцузскими до XVI – XVII веков, в течение которых они выходят из общенародного использования и заменяются соответствующими синонимами – *pleurer* ‘плакать’, *hier* ‘вчера’ (и *avant - hier* ‘позавчера’), *cochon* ‘свинья’, *puer* ‘неприятно пахнуть чем-л’, *poule* ‘курица’, *chou* ‘капуста’, *bas* ‘низкий; невысокий’. Как указывалось выше, в некоторых случаях здесь речь идет об исконно-лотарингских диалектизмах, в том числе, о словах, связанных с особенностями реалий и местных обычаев. К исконно-лотарингским диалектизмам М.А. Бородина относит: *kmot* или *pmot* (лит. *pomme* ‘яблоко’), *déproter* (лит. *dévêtir* ‘раздевать’), *nunet* – термин, связанный с местным обрядом при венчании – ‘особая застежка на подвенечном платье’, *bavette* (лит. *moucheron* ‘мошкора; разг. мальчишка’), *hoje* (лит. *glisser* ‘скользить’), *sugnon* – старолотарингский словообразовательный вариант к *sureau* ‘бузина’, *jotte* в значении ‘капуста’ (лит. *chou*), *meš* – ‘сад, огород (примыкающий к дому)’ и др.

И.И. Чельшева исследовала территориальные диалекты Италии, «к которым относятся романские диалекты населения Италии и Сан-Марино, кроме тех областей Италии, наречия которых признаются отдельными языками (фриульский язык, ладинский язык, сардинский язык). На диалектах Италии говорят также в некоторых зонах сопредельных с Италией стран (Швейцария, Франция, Монако). Диалекты сохраняет в бытовом общении часть эмигрантов итальянского происхождения в США, Латинской Америке, Западной Европе». И далее:

«наряду с территориальными диалектами в Италии существовали и территориально-конфессиональные варианты, – это еврейско-итальянские наречия, среди которых наибольшей однородностью обладали еврейско-венецианский и еврейско-римский» [*Чельшева И.И.* Диалекты Италии // *Языки мира. Романские языки.* М., 2001. С. 90 – 91]. При этом И.И. Чельшева выделяет следующие три основные группы диалектов Италии на синхронном срезе:

1. «Диалекты Северной Италии (галло-итальянские и венецианский).
2. Тосканский диалект.
3. Южная диалектная группа (диалекты Срединной Италии, собственно южные диалекты, диалекты Крайнего Юга)» [*Чельшева И.И.* Ук. соч. С. 93].

Глубокий анализ существующих в зарубежной и отечественной романистике классификаций романских языков и их диалектов проведен А.В. Широковой (см. «От латыни к романским языкам»). Обобщив все рассмотренные ею классификации и согласовав их с данными сравнительно-исторической фонологии, А.В. Широкова разработала свою собственную классификацию диалектов романских языков. В основе данной классификации находятся диалектные отношения народной латыни, отраженные в романских языках. Ниже приводим эту классификацию:

- I. «Диалекты Центральной Романии:
  1. Южные (отраженные в южноитальянских диалектах Апулии, южной Кампаньи, Басиликаты, Калабрии, Сардинии; в кампиданских говорах на Сардинии; в галлурийском, сассарийском, южноолтремонтанском, североолтремонтанском диалектах на Корсике-Сардинии; в логудорском и нуорийском наречиях сардинского языка).
  2. Среднеиталийское наречие (отраженное в итальянских диалектах северной Кампаньи, Абруццо, Лацио,

- Умбрии, Марки; в тосканском наречии; в чисмонтанских говорах центральной и северной Корсики).
3. Наречие Цизальпинской (Циспаданской и Транспапанской) Галлии (отраженное отчасти в пизанско-лукасском говоре тосканского наречия, а в основном в североитальянских диалектах: Эмилии и Романьи, восточной и западной Ломбардии, Лигурии, Пьемонта (и Венеции), в североитальянских венецианских говорах и в фриульском наречии ретороманского языка).
  4. Ретийская латынь (отраженная в основных диалектах ретороманского языка: верхнесельвском, нижнесельвском, мюнстерском, верхнеэнгадинском, нижнеэнгадинском, триентинских).
  5. Далматинская латынь (отраженная в вымерших диалектах: староистророманском, вельотском, в исчезнувших романских говорах Фиуме-Риеки и Рагузы-Дубровника).
- II. Диалекты романской периферии, генетически примыкающие к южноиталийским диалектам:
1. Архаический диалект Испании, частично отраженный в некоторых говорах на перевалах в западных Пиренеях и в заимствованиях в баскском языке.
  2. Африканская латынь (отраженная в латинских ранне-романских заимствованиях в берберском).
  3. Дако-мизийская (балканская) латынь, отраженная в восточно-романских языках:
    - а) северная подгруппа: румынский, молдавский, истрорумынский;
    - б) южная подгруппа: арумынский (с фаршеротским), меглено-романский.
- III. Диалекты романской периферии, генетически примыкающие к центральнороманским, цизальпинскому и ретийскому наречиям:

1. Северогалльская латынь (отраженная во французском языке и франко-провансальском наречии).
2. Западнолатинские диалекты, образовавшие две группы:
  - А. Нарбонско-пиренейская, отраженная: (а) окситанским языком, (б) каталанским языком.
  - Б. Испано-лузитанская, отраженная: (а) наречиями испанского языка, (б) португальским и галисийским языками» [*Широкова А.В.* От латыни к романским языкам: Учеб. пособие по истории романских языков. М., 1995. С. 33 – 35].

Важным для нас является утверждение А.В. Широковой о том, что «самой древней из колонизованных периферийных романских областей является Испания. Здесь народнолатинские диалектные различия отражены как в различиях между диалектами (например, характер дифтонгизации в арагонском и кастильском, архаические “южные” особенности изолированных пиренейских говоров), так и в различиях между целыми языками (отсутствие дифтонгизации в португальском, особый характер дифтонгов в галисийском и в каталанском и др.)» [*Широкова А.В.* Ук. соч. С. 271].

В отечественной и зарубежной англицистике достаточно широко рассмотрены различные национальные варианты английского языка, наиболее изученными из которых являются: британский (В.Н. Ярцева, А.И. Смирницкий, Г.П. Торсуев, Т.И. Шевченко, В.А. Васильев; Дж.А. Шахбагова; R. Brown; D. Crystal, D. Davy; M.A.K. Halliday; J.D. O’Connor и некоторые др.), американский (А.Д. Швейцер, Дж.А. Шахбагова, Е.Н. Филиппов, М.П. Тарасевич, М.Н. Лапшина, Т.К. Сидоренко, Т.Л. Караваева; A.M. Espinosa; F. Peñalosa, R. Sánchez, C. Silva-Corvalán, J.D. O’Connor, L.J. Gerstman, A.M. Lieberman, P.C. Delattre, F.S. Cooper; T. Gay; C.K. Thomas; G.L. Brook; J. Clifford H. Prator и др.), австралийский (Г.А. Орлов, Дж.А. Шахбагова, Л.Ф. Егорова), а также канадский (Дж.

А. Шахбагова, Н.Н. Быховец, Л.Г. Попова, В.А. Филатов) и новозеландский (Л.В. Турченко) национальные варианты.

В отечественной англицистике изучение проблем диалектологии современного английского языка находится практически на начальной стадии. Хотелось бы отметить, в первую очередь, работу Дж.А. Шахбаговой «Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка», в которой автор изучила особенности произношения в американском, австралийском и канадском вариантах английского языка в сопоставлении с британским по трем основным компонентам фонетического строя английского языка: звуковой состав, акцентная структура слов (словесное ударение) и интонация. Дж.А. Шахбагова в вышеуказанной работе выделяет также локальные (региональные) диалекты прежде всего в современном английском языке Великобритании, к которым она относит главным образом говоры самых необразованных (низших) слоев общества, однако при этом подчеркивает, что «диалекты могут быть “привязаны” и к определенным территориям» [*Шахбагова Дж.А. Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка. М., 1982. С. 8 – 9*].

В рамках одной работы невозможно охватить весь материал по отечественной и зарубежной диалектологии на материале различных языков. Поэтому в нашем исследовании мы ограничимся рассмотрением существующих изысканий по диалектам испанского языка, как одного из самых распространенных языков в мире, в отечественной и зарубежной испанистике.

В работах отечественных испанистов, вслед за Г.В. Степановым, социолингвистический статус испанского языка в латиноамериканских странах определяется как «национальный вариант» испанского языка (В.С. Виноградов, Н.М. Фирсова, Ю.Л. Оболенская, Н.Ф. Михеева, Т.В. Писанова, А.В. Синявский, О.С. Чеснокова, и др.). Мы полностью

присоединяемся к точке зрения Г.В. Степанова, который писал, что «методологически ошибочно, а поскольку ситуации складываются в пределах государств, то и политически неверно и бестактно комбинировать иерархические структуры путем сведения в одну стратификационную шкалу по историческим, чисто лингвистическим или иным соображениям территориальные варианты, участвующие в разных ситуациях, и квалифицировать португальский язык Бразилии как диалект языка Португалии, ... французский Канады как диалект французского Франции, а аргентинский испанский как диалект европейского испанского или наоборот» [Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976. С. 59]. Национальные варианты испанского языка имеют свои диалекты.

В настоящее время в отечественной испанистике продолжается разработка идей Г.В. Степанова. Здесь приступили к детализации типологии разновидностей испанского языка, в первую очередь, его национальных вариантов [См.: *Виноградов В.С.* Лексикология испанского языка. М., 1994. С. 69 – 73; Введение в переводоведение. М., 2001; *Фирсова Н.М.* Некоторые проблемы типологии языковой вариативности испанского языка // *Иностранные языки в аспекте лингвопрагматики.* М., 1991. С. 11 – 12; *Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке.* М., 2000. С. 15 – 21; *Михеева Н.Ф.* Испанский язык на территории юго-западных штатов Америки. М., 2002; *Испанский язык и межкультурная коммуникация.* М., 2003].

В.С. Виноградов отмечает, что «глобальной формой существования испанского языка является межнациональная испанская форма, затем идут национальные формы или варианты (например, мексиканский вариант испанского языка, кубинский, аргентинский, пиренейский и т.д.). Наконец, практически каждый из этих вариантов имеет свои диалекты и говоры. Причем в Латинской Америке однотипные диалектные

зоны способны охватить части различных национальных территорий, т.е. один такой территориальный диалект может быть в двух и более смежных государствах» [Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. М., 1994. С. 70. По этому вопросу см. также: *García Mouton P. Lenguas y dialectos de España. Madrid, 1999; Zamora Vicente A. Dialectología española. Madrid, 1985; García de Diego V. Manual de dialectología española. Madrid, 1959*].

В отечественной испанистике специальное изучение отдельных диалектов только начинается. Так, А.Ю. Папченко проанализировала особенности андалузского диалекта в качестве особой подсистемы в составе пиренейского национального варианта испанского языка, определила его место, функциональную и социальную ценность в современной языковой ситуации Испании. По мнению ученого, сложившийся в процессе дифференциации кастильского в XIII – XV веках на отвоеванных христианскими войсками у арабов землях, андалузский диалект на современном этапе своего развития проявляет основные отличия от норм кодифицированного литературного языка главным образом в области фонетики и фонологии.

Как известно, рамки распространения прежде всего двух фонетических явлений: seseo / сесео служат основой для проведения границ андалузского диалекта. А.Ю. Папченко сюда также относит изменение в системе вокализма в восточной части провинции, что дает основания противопоставлять восточную и западную разновидности андалузского диалекта. Их сущность, по мнению указанного исследователя, состоит в появлении различий тембровых характеристик (открытость / закрытость) гласных (в кодифицированном испанском языке не существует различия гласных по тембру), в функции различителей единственного и множественного числа путем оппозиции закрытость (показатель единственного числа) / открытость (показатель множественного числа) конечной гласной: [kára] *sara* ‘плащ, накидка’ / [kára] *saras* ‘плащи,

накидки'. К этим двум она относит еще одну собственно андалузскую черту – аспирацию согласных /p/, /t/, /k/ и особую (фрикативную) артикуляцию звука [tʃ] [См.: *Папченко А.Ю.* Социолингвистические аспекты изучения андалузского диалекта: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 2002. С. 3 – 5]. Названный лингвист в своем диссертационном исследовании также рассматривает влияние андалузского диалекта на функционирование испанского языка за пределами Андалузии.

Мы подробно анализируем национально-культурное своеобразие функционирования фонетических, лексических и грамматических единиц в мексиканском территориальном диалекте испанского языка за пределами Мексики [См.: *Михеева Н.Ф.* Испанский язык и межкультурная коммуникация. М., 2003].

Кратко охарактеризуем существующие подходы к описанию классификаций диалектов испанского языка в зарубежной испанистике.

Имеет место небольшое количество описаний диалектов испанского языка в отдельно взятых испаноязычных странах, на уровне их национальных вариантов. Наиболее изученными, на наш взгляд, являются такие страны, как Мексика (П. Энрикес Уренья, Х. М. Лопе Бланч, Дж. Баркер, Дж. Крэдок, М. Идальго), Колумбия (Л. Куэрво, Л. Флорес, Х. Монтес Хиральдо) и некоторые другие.

Например, П. Энрикес Уренья, а вслед за ним и Дж. Баркер, выделяют 5 диалектных зон в Мексике, которые характеризуются фонологическими и лексическими несоответствиями. Национальный «стандарт», по их мнению, базируется на речи жителей Мехико и окружающих его центральных горных районов. Другими зонами являются: северная, южная (Морелос, Герреро, Оаксака), прибрежная (Тамаулипас, Веракрус, Табаско, Кампече) и, наконец, относительно изолированная территория полуострова Юкатан [Vea: *Henríquez Ureña P.* El español en Méjico, los Estados Unidos y la

América Central. Buenos Aires, 1938; *Barker G.C. Social Functions of Language in a Mexican American Community*. Tucson, 1972]. При этом Дж. Баркер делает вывод, что в США самым большим различием являются расхождения между истинно колониальным мексиканским испанским штата Нью-Мексико и испанским более поздних иммигрантов, в основном, из центральной и северной Мексики [Vea: *Barker G.C. Op. cit.* P. 26]. Его поддерживает также Дж. Крэдок, утверждающий, что, вероятно, это и есть переход от северомексиканского испанского к североамериканскому испанскому [Vea: *Craddock J.R. Spanish in North America // Current Trends in Linguistics*. The Hague, 1973, vol. 10. P. 477].

Х.М. Лопе Бланч, основываясь на географическом распределении 25 ЛЕ, выделяет в Мексике 17 диалектных зон. При этом известный мексиканский филолог рассматривает полуостров Юкатан как самостоятельную диалектную зону [Vea: *Lope Blanch J.M. El léxico de la zona maya en el marco de la dialectología mexicana // Investigaciones*. México, 1979. Pp. 59 – 132]. Последняя гипотеза находит поддержку в последующем изучении им фонетической вариативности в штате Юкатан [Vea: *Lope Blanch J.M. Un caso de posible influencia maya en el español mexicano // Investigaciones*. México, 1979. Pp. 41 – 53], а также в мексиканских штатах Кампече, Кинтана Роо, Табаско и Веракрус [Vea: *Lope Blanch J.M. Algunos casos de polimorfismo fonético en México // Investigaciones*. México, 1979. Pp. 17 – 33].

В первой работе Х.М. Лопе Бланч анализирует заальвеолярную артикуляцию вибрирующих одноударного и многоударного /r/. Переднеязычный заальвеолярный вариант [r̄], не существующий в фонологической системе испанского языка, общеупотребим на полуострове Юкатан, а его частотность снижается по мере удаления от региона адстрата майя до полного исчезновения. Основываясь на вышесказанном,

мексиканский лингвист приходит к выводу о возможном влиянии языка майя на испанский язык штата Юкатан [Vea: *Lope Blanch J.M. Un caso de posible influencia maya en el español mexicano // Investigaciones. México, 1979. Pp. 52 – 53].*

В своем труде «Некоторые случаи фонетического полиморфизма в Мексике» Х.М. Лопе Бланч описывает реализацию четырех фонем: /f/, /ç/, /r/ в конечной позиции и фонемы /y/ в городских и сельских районах штатов Юкатан, Кампече, Кинтана Роо, Табаско и Веракрус. Результаты этого изыскания не только подтверждают уже отмеченное положение полуострова Юкатан, но также определяют особый статус штата Табаско в качестве переходной диалектной зоны. Самой стабильной в плане произношения описанных четырех фонем была признана столица штата Табаско город Вильяэрмоса. При этом Х.М. Лопе Бланч подчеркивал, что, чем выше уровень развития и образования носителей языка (к эксперименту было привлечено 44 человека), тем стабильнее фонетико-фонологическая система. В качестве отдельной диалектной зоны, по его мнению, выступает штат Веракрус [Vea: *Lope Blanch J.M. Algunos casos de polimorfismo fonético en México // Investigaciones. México, 1979. P. 27].*

Другими диалектными зонами в Мексике, согласно точке зрения известного американского ученого М. Идальго, являются: регион севера Мексики – обширная территория, поделенная на четыре субрегиона; район южного плоскогорья, который включает столицу Мексики и такие города, как Пуэбла, Куэрнавака и Керетаро [Vea: *Hidalgo M. Español mexicano y español chicano: problemas y propuestas fundamentales // Language Problems and Language Planning. Texas, 1987, vol. 11, № 2. P. 172].*

Интересно, что в существующих на сегодняшний день исследованиях особенностей испанского языка на территории юго-запада США (Дж. Баркер, Я. Орнштайн-Галиция, Ф. Пеньялоса, Р. Санчес, К. Сильва-Корвалан) подчеркива-

ются их просторечные характеристики. В этой связи коллективный труд авторов (одним из которых является Х.М. Лопе Бланч) [Vea: *El habla popular de la ciudad de México: Materiales para su estudio / Dir. por Lope Blanch J.M. México, 1976*], где, основываясь на данных, полученных в результате опроса информантов, анализируется употребление морфологических и лексических единиц в речи ремесленников, выходцев из сельской местности, но живущих в городе, в определенной степени может служить базой для сопоставительного изучения обеих разновидностей испанского языка.

Известный колумбийский лингвист Х. Монтес Хиральдо выделяет два супердиалекта в колумбийском национальном варианте испанского языка: прибрежный (А) и внутриконтинентальный (В), основываясь на произношении фонемы /s/ в качестве взрывной в положении после гласных, а также присутствии/отсутствии нейтрализации /r/, /l/, /n/ на конце слога и слова [Vea: *Montes Giraldo J. El español de Colombia. Propuesta de clasificación dialectal // Boletín del Instituto Caro y Cuervo. Bogotá, 1982, t. XXXVII. Pp. 23 – 92*].

На наш взгляд, вопрос изучения диалектов разных языков (в том числе, испанского) требует продолжения конкретных исследований, и безусловный интерес представляет разработка типологии классификаций диалектов как испанского, так и других языков с их последующим сопоставлением.

О НОВОМ НАПРАВЛЕНИИ В ИСПАНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ – МЕЖВАРИАНТНОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

В современном языкознании большой интерес вызывают гуманитарные исследования междисциплинарного характера. Появились новые лингвистические дисциплины, находящиеся на стыке наук, охватывающие проблемы соотношения национальной культуры и языка, этнокультурной общности, этнического самосознания, связи языка с социальным и культурным контекстом времени, отражения в языке культурных ценностей народа.

Диалектология, как известно, один из сложных и многоаспектных разделов языкознания. Имеется немало трудов в области диалектологии как отечественных (см. работы Р.И. Аванесова, Г.А. Хабургаева, Н.И. Толстого, К.Ф. Захаровой, В.Г. Орловой, В.М. Жирмунского, Н.А. Катагощиной, А.В. Широковой и др.), так и зарубежных лингвистов (Г.И. Асколи, П. Мейера, Г. Париса, Г. Шухардта, А. Самора-Висенте, М. Альвара и др.). Однако проблемы диалектологии (в том числе, испанского языка) требуют дальнейшего изучения.

Если диалектологическим исследованиям испанского языка в зарубежной испанистике уделяется немалое внимание (см. труды П. Энрикеса Уреньи, А. Розенблата, Л. Кэнфилда, К. Сильвы-Корвалан, М. Идальго и др.), то следует отметить, что диалектология в отечественной испанистике еще находится на начальной стадии разработки. Безусловно, специфика различных диалектов испанского языка (как в рамках национальных вариантов, так и за их пределами) наиболее четко проявляется при их сопоставлении. Поскольку национальным вариантам испанского языка присущи свои диалекты, думается, что следует поставить вопрос о необходимости разработки нового направления в испанской диалектологии – *межвариантной диалектологии испанского языка*.

Для реализации данной идеи важно знание особенностей употребления языковых средств в разных диалектах испанского языка, для чего в отечественной испанистике требуется проведение многочисленных конкретных исследований.

Сравнивая диалекты испанского языка в его различных национальных вариантах, отдельно подчеркнем, что различия между ними не столь существенны в сопоставлении с диалектами разных языков (в этом случае речь идет о *межъязыковой диалектологии*), т.к. они, как правило, не затрагивают структуры языка. Однако функционирование испанского языка на юго-западе США, на наш взгляд, представляет собой один из случаев *межвариантной диалектологии испанского языка*, поскольку, в силу сложившейся исторической ситуации, употребление данного диалекта прослеживается за пределами границ одного из национальных вариантов испанского языка, а именно – его мексиканского национального варианта.

Мы определяем форму существования испанского языка на территории юго-западных штатов Америки как *мексиканский территориальный диалект испанского языка за пределами Мексики*.

В США *мексиканский территориальный диалект испанского языка* обладает следующими отличительными чертами: он распространен за пределами Мексики; не является родным для абсолютного числа жителей; лимитирован сферами использования (прежде всего разговорно-бытовой и религиозной); отличается определенной локальной спецификой: с одной стороны, базой для его существования выступает мексиканский национальный вариант испанского языка, с другой, в реализации ЯЕ в нем явно прослеживается влияние американского национального варианта английского языка.

Изученный нами материал свидетельствует о том, что в *мексиканском территориальном диалекте испанского языка за пределами Мексики* в зависимости от разных факто-

ров (географического, социального происхождения испанских конкистадоров и места их проживания как в Испании, так и на новых землях, влияния индейских языков, влияния английского языка) возможно выделение двух его разновидностей: 1) с большей степенью сходства с чертами мексиканского национального варианта испанского языка, 2) с меньшей степенью сходства с чертами мексиканского национального варианта испанского языка.

Обратимся к анализу языковых особенностей *мексиканского территориального диалекта испанского языка за пределами Мексики* и, в частности, первой его разновидности, характеризующейся большей степенью сходства с чертами мексиканского национального варианта испанского языка. Данная разновидность *мексиканского территориального диалекта испанского языка за пределами Мексики* распространена на севере юго-западного штата Нью-Мексико и юге штата Колорадо.

Специфика испанского языка мексиканской зоны объясняется, в первую очередь, влиянием индейского языка науатль.

Ацтеки были самым многочисленным и могущественным из пяти племен, говоривших на языке науатль. На территории, на которой проживали эти племена, говорили примерно на 80 индейских языках и диалектах, включая такие, как язык отоми, тотонак, популюк, чонталь и мистек. По мнению Ф. Пеньялосы, «в XV веке науатль древней Мексики мог сравниться по широте употребления с латынью в Европе не только в качестве *lingua franca*, но и как язык науки, искусства и образования для верхушки общества» [Peñalosa F. *Chicano Sociolinguistics: A Brief Introduction*. Rowley, 1980. P. 23]. К 1570 году Филипп II объявил науатль официальным языком Новой Испании. В больших городах новой провинции, где проживала преимущественно состоятельная образованная элита: адвокаты, государственные служащие, коммерсанты, крупные землевладельцы, священнослужители и т.п. –

сохранялся по большей части литературный вариант кастильского языка. Вдали от городов и образовательных центров испанский язык претерпевал изменения не только сам по себе, но и под влиянием индейского языка. «По мере того, как коренные жители изучали различные диалекты колонизаторов, развивались и новые “варианты” испанского языка. “Мексиканский вариант испанского языка” в некоторой степени перенял просодику науатль, наряду с многочисленными лексическими заимствованиями (около 5000) и тенденцией к частому использованию назывных предложений (характерная черта многих индейских языков)» [Peñalosa F. Op. cit. P. 24].

Отметим, что мексиканскому национальному варианту испанского языка особый характер придавали многочисленные сочетания звуков, несвойственные стандартному испанскому языку Пиренейского полуострова, которые проникли вместе с заимствованными словами из науатль:

-uau- (*Cuauhtochco* → Huatusco);

-tl- (*tlapanco* → taranco ‘чердак’, но *nahuatl* сохраняет несвойственную стандартному испанскому группу tl);

-cm- (*Chicmecatitla* → Chigmecatitla);

-htz- (*Nauhtzontla* → Nauzontla);

-ztl- (*Tepoztlán* → Tepotlán) [См.: Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963. С. 35].

Некоторые испанские слова также своеобразно «ацтекизируются»: *almizcle* → *almistle* ‘альмискле (жирное вещество у хвоста некоторых птиц)’. Согласный /j/ (на письме x) сохранялся в XVI веке и частично – в XVII; затем совершается переход в /s/, /j/ или /ch/ (в связи с исчезновением из системы испанских согласных похожего звука, который на письме обозначался x):

/jochimilco/ → /Sochimilco/;

/tequi|quite/ → /tequesquite/ ‘селитра’;

/Méjico/ (на письме México) → /Méjico/ (на письме также México).

Таким образом, х в Мексике произносится как:

1. [ks]: *examen* [eksámen] (исп. ‘экзамен’);
2. [s]: в испанских словах типа *extraño* [estráño] (‘странно’) или заимствованиях из науатль типа *Xochimilco* [sotʃimílko];
3. [j]: в заимствованиях из науатль типа *ahca* [áka] ‘сейчас; хорошо; так себе’, *mixtecos* [miʃtékos] ‘мистеки (индейцы в Мексике)’;
4. [x]: в заимствованиях из науатль типа *México* [méxiko] (и реже – в европейских типа *Xavier* [xavjér]) [Vea.: *Guzmán Betancourt I. Usos y pronunciaciones de la “x” en español // El español hablado en México. México, 1982. Pp. 53 – 65].*

По мнению Х.М. Лопе Бланча, стирание оппозиций между [š] и [ʃ], особенно в словах индейского происхождения, например, в топонимах *Xochicalco* или *Tzintzuntzan*, есть не что иное, как следствие воздействия науатльского субстрата. Легкое произношение несвойственной испанскому языку группы /tʃ/ (*tlapalería* ‘современный магазинчик хозяйственных товаров’, *atlas* ‘атлас’, *náhuatl* ‘науатль’) он объясняет наличием в индейских языках глухого альвеолярно-зубного латерального звука, аналогичного по своей артикуляции /tʃ/ [Vea.: *Lope Blanch J.M. La influencia del sustrato en la fonética del español mexicano // El español hablado en México. México, 1974, t. IV. Pp. 97 – 111].*

Обилие слов из науатль – отличительная черта испанского языка в Мексике, причем они распространены по всей стране, тогда как «туземные» слова в других странах Латинской Америки имеют чаще всего ограниченное, региональное распространение. Сотни индейских заимствований, в основном, из науатль, были включены в лексический состав испанского языка в Мексике.

Следует выделить несколько путей взаимодействия между индихенизмами и соответствующими им общеиспанскими лексическими единицами:

1) совпадение значений и равнозначное функционирование испанских и заимствованных единиц: *guajolote* (pavo) 'индейка'; *cuate* (gemelo) 'близнец'; *escuincle* у *chamaco* (niño) 'ребенок'; *tatemar* у *chichinar* (quemar, chamuscar) 'обжигать, обугливать'; *mecate* (reata, cordel) 'веревка, бичевка, шнур';

2) во многих случаях семантика слов-индихенизмов включает в себе дополнительное значение, дифференцирующее их смысл от соответствующих им общеиспанских единиц. Так, например, ацтекизм *molcajete* применяется для обозначения кухонной ступки, сделанной из камня (mortero de cocina, hecho de piedra); существительное *tianguis* (из ацтекского *Tianguisti* – 'рынок') имеет широкий спектр применения для обозначения разнообразных рынков, расположенных на открытом воздухе (el mercado indígena que se celebra al aire libre);

3) в некоторых случаях слова, пришедшие из индейских языков, заменяют соответствующие им пиренейские эквиваленты, а иногда и полностью вытесняют их: *tecolote* (вместо *buho*) 'филин'; *chapulín* (saltamontes) 'кузнечик'; *atole* (papilla) 'питательная каша (обычно из кукурузы)'; *zacate* (вместо *hierbajo* или *estropajo*) 'кормовая трава'; *milpa* (maizal) 'маисовое (кукурузное) поле'; *ejotes* (вместо *judías verdes*) 'стручки молодой фасоли'; *jacal* (choza) 'хижина, лачуга'; *papalote* (cometa, volantín) 'бумажный змей'.

В испанском языке Мексики существует огромное количество индихенизмов, которые обозначают мексиканские реалии и для которых не существует соответствующих эквивалентов в пиренейском национальном варианте испанского языка. В первую очередь, это относится к тем словам, которые обозначают:

1) флору: *zapote* ‘сапоте – лавровое дерево’, *tacalote* ‘такалоте – американский боб’, *mezquite* ‘меските – разновидность акации’, *guajilla* ‘гуахилья – разновидность акации’, *escagüil* ‘эскагуил – драконово дерево’, *zalate* ‘салате – разновидность фикуса’, *quelite* ‘келите – петушиный гребешок’, *jícama* ‘хикама – клубень’, *chayote* ‘чайот(е) – плод’, *ixtle* ‘ихтле – растительные волокна’;

2) фауну: *chachalaca* ‘чачалака – разновидность утки’, *cenzonle* ‘сенсонгле – многоголосный пересмешник’, *sacomistle / sacomixtle* ‘какомистле – кошачий енот’, *tuza* ‘туса – мешотчатая крыса’, *tulix* ‘туликс – стрекоза’;

3) национальные блюда, напитки, идущие в пищу продукты: *pozole* ‘посоле – блюдо из кукурузы, свинины и перца’, *totopo* ‘тотопо – лепёшка из кукурузной муки’, *mole* ‘моле – соус’, *tamal* ‘тамаль – пирог из кукурузной муки с мясом и специями’, *tacazota* ‘такасота – майсовая лепёшка’, *mezcal* ‘мескаль – водка из агавы’, *tejuino* ‘техуино – кукурузная водка’, *pinole* ‘пиноль – напиток из поджаренной кукурузной муки с сахаром, корицей и ванилином’, *tlacooyo* ‘тлакойо – омлет из фасоли’;

4) различные традиционные атрибуты индейского быта, а также исторические реалии: *cacastle / cacaxtle* ‘какастле – короб, корзина; деревянная рама для ношения тяжестей на спине’, *metate* ‘метате – зернотерка’, *huacal* ‘уакаль – ящик или корзина для перевозки фруктов’, *comal* ‘комаль – глиняная сковородка’, *tecomate* ‘текомате – глиняная чаша’, *ayate* ‘айате – ткань из агавы’, *huiupil* ‘уипил – женская рубашка у индианок’, *tuncul* ‘тункуль – маленький индейский барабан’, *yácatas* ‘йакатас – пирамиды на территории штата Мичоакан’.

Г.В. Степанов указывает на такие особенности словообразования в мексиканском национальном варианте испанского языка (которые появились на протяжении столетий в районах двуязычия, в результате тесных языковых контактов с ацтеками), как формирование гибридных слов:

- 1) из существительного в пиренейском национальном варианте испанского языка и существительного из науатль: *santoscal* (san-tos +calli) ‘молельня’ (в стандартном испанском – oratorio); *tinacal* (tina + calli) ‘погреб, где хранится напиток пульке’ (tina в испанском обозначает ‘чан, кадка’);
- 2) из существительного из науатль и традиционного испанского существительного: *talacha* (talli + hacha) ‘инструмент’; *tecorral* (tetl + corral) ‘каменный забор’;
- 3) из испанского глагола и существительного из науатль: *cuentachiles* (cuenta от contar ‘считать’ и chili ‘перец’) ‘мелочный человек’;
- 4) из существительного из науатль с испанскими суффиксами: *tlapalería* (из tlapalcalli: от tlapalli ‘краска’, calli ‘дом’ и суффикса – ería) ‘лавка, где продаются краски’; *tamalada* (из tamalli и суффикса – ada) ‘хлебец из кукурузной муки’ [См.: Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963. С. 36].

В мексиканском территориальном диалекте испанского языка за пределами Мексики также отмечается влияние науатль в области грамматики. К примеру, известный мексиканский ученый Х.И. Давила Гариби является одним из сторонников идеи влияния языка науатль на чрезмерное использование диминутивных суффиксов в испанском языке Мексики. По его мнению, их постоянное использование даже в таких словах, как: *coñaquito* ‘коньячок’, *¡aditosito!* ‘счастливо!’, *apenitas* ‘чуть-чуть’, *¡Diosito!* ‘Боженька!’ является несомненным результатом влияния «необыкновенно частотного» функционирования диминутивных форм (– conetl, – tepito, – tzin, – tzintli, – pil, – ton, – tontli) в языке науатль [Vea: *Dávila Gáribi J.I. Posible influencia del náuatl en el uso y abuso del diminutivo en el español de México // Estudios de cultura náuatl. México, 1959. Pp. 91 – 94*]. Аналогичную гипотезу выдвигает другой мексиканский филолог В. Хименес

Морено, считающий общеиспанский суффикс – *ito* эквивалентом уменьшительного суффикса из науатль – *tzin (tli)*. По свидетельству данного лингвиста, «мексиканский суффикс – *ito* “перенял” функции суффикса – *tzin (tli)*, служащего не только для передачи идеи уменьшительности, но и выступающего в качестве средства выражения оттенков отношения к собеседнику, в частности, проявления благосклонности или уважения» [Jiménez Moreno W. *La transculturación lingüística hispano-indígena*. Santander, 1965. P. 40].

Среди специфических особенностей мексиканского национального варианта испанского языка прежде всего в области лексики весомое место занимают черты архаичного характера. Как известно, «архаизм» выделяется в качестве одной из самых ярких характеристик на данном языковом уровне и свидетельствует о «консервативности» испанского языка Мексики. Слова и значения, постепенно выходящие из употребления в пиренейском национальном варианте испанского языка, в Мексике, как и в некоторых других латиноамериканских странах, в настоящее время можно повсеместно слышать: *pararse* (в значении *ponerse de pie*) ‘встать’, *prieto(a)* (*apretado*) ‘сжатый; тесный’, *bravo* (*valiente* о *enojado*) ‘храбрый, доблестный; сердитый, рассерженный’, *demorarse* и *dilatarse* (*tardar, retrasarse*) ‘задерживаться, запаздывать; отставать’, *recibirse* (*graduarse*) ‘получать ученое звание, степень’, *cristianar* (*bautizar*) ‘(разг.) крестить, обращать в христианство’, *esculcar* (*espíar*) ‘выслеживать, подстергать, шпионить’, *apeñuscado* (*amontonado*) ‘нагроможденный’.

В ряде случаев в Мексике имеет место архаичное функционирование грамматических форм, например, наречия *luego* ‘потом’ в значении *inmediatamente* ‘сейчас, немедленно’, что послужило основой для возникновения нового стилистического приема: в современной мексиканской общедно-разговорной речи часто фиксируется использование удвоенного наречия *luego*: *luego luego* – ‘прямо сейчас’. Чрезвычайно употребительны в Мексике также выражения типа:

se me hace (me parece) ‘мне кажется’, *también no* (tampoco) ‘также не’, *¿qué tanto?* (¿cuánto?) ‘сколько?’ и некоторые другие. В анализируемом регионе архаична реализация некоторых предлогов, использовавшихся еще в «классическом» испанском языке. Например, *donde* и *de que* употребляются здесь в условных предложениях. При этом *donde* гораздо чаще выступает в значении условия, чем *de que* (причем даже в речи образованных людей: «*donde se lo digas, te mato*» ‘если ты мне это скажешь, я тебя убью’). Приведем пример функционирования «староиспанских» предлогов *de que* в мексиканском территориальном диалекте испанского языка за пределами Мексики: «*de que a mí se me mete una idea en la cabeza, no hay quien me la pueda sacar*» ‘если мне что-то придет в голову, никто меня не переубедит’. Среди таких ЯЕ, сохранивших свое значение в испанском языке на территории юго-западных штатов Америки еще со времен «классического» испанского языка, также можно выделить следующие: *cada que* и *cada u cuanto*: «*cada que lo veo, me dice lo mismo*» ‘кто бы меня ни встретил, говорит мне одно и то же.’ В рассматриваемом регионе часто словосочетание *cada u cuanto* употребляется в качестве обстоятельства времени со значением ‘иногда’: «*Lo veo en la Universidad cada u cuanto*» ‘Я иногда вижу его в университете’.

Как указывалось выше, данная разновидность мексиканского территориального диалекта испанского языка за пределами Мексики распространена на севере Нью-Мексико, а также в южных районах Колорадо, которые, как известно, принадлежат к наиболее изолированному испаноязычному региону со своеобразным «архаичным» диалектом, что находит объяснение прежде всего в отдаленности рассматриваемого региона от мексиканской границы: исследуемая местность отделена от границы США и Мексики горными хребтами Сан-Хуан и Суньи и труднопроходимыми каньонами. Юг Колорадо и север Нью-Мексико – первые районы, заселенные испаноязычными колонизаторами; оставшаяся территория юго-

запада США характеризуется более поздним притоком иммигрантов. За последние десятилетия число испаноговорящих во всех штатах юго-запада значительно возросло. Исключение составляют Нью-Мексико и юг Колорадо. Так, например, если в Калифорнии с 1950 по 1960 годы число испаноязычного населения возросло на 88%, то в Нью-Мексико – лишь на 8% [Vea: *Peñalosa F. Chicano Sociolinguistics: A Brief Introduction*. Rowley, 1980. P. 91].

Испанский, на котором говорят жители штата Нью-Мексико и юга Колорадо, занимает особое место в социолингвистике чиканос не только потому, что некогда он определялся как «причудливый» за обилие «архаизмов», но и потому, что также был назван «языком конкистадоров XVI века». Поселенцы, живущие на севере Нью-Мексико и юге Колорадо с 1650 года по настоящее время, говорят, естественно, с определенными трансформациями, на различных «локальных» диалектах испанского языка бывшей метрополии. В их речи прослеживается большое число ЯЕ из кастильского, андалузского, северных диалектов провинций Астурия и Леон, западного испанско-португальского диалекта, галисийского языка [Vea: *Peñalosa F. Op. cit.* P. 91].

Вторая разновидность *мексиканского территориального диалекта испанского языка за пределами Мексики* отличается меньшей степенью сходства с мексиканским национальным вариантом испанского языка: с одной стороны, она характеризуется практическим отсутствием индихенизмов, резким сокращением реализации «архаизмов»; с другой – значительно большим влиянием английского языка. Данная разновидность *мексиканского территориального диалекта испанского языка за пределами Мексики* распространена в следующих юго-западных штатах Америки: Калифорния, Аризона и Техас.

На Калифорнийском побережье испанские завоеватели впервые появились уже в 1542 году, однако мексиканцы

– подданные испанской короны, обосновались в самой Калифорнии позже, чем где-либо на юго-западе. Вдоль побережья были основаны францисканские миссии (всего 21) и укрепленные городки (4): Сан-Диего, Санта-Барбара, Монтеррей и Сан-Франциско. Открытие золота в Калифорнии вызвало единовременный приток большого числа людей самой разной национальной принадлежности. Оно также дало толчок притоку рабочих из Мексики, главным образом, из Соноры. Не все они оседали там надолго: большинство приезжало весной, а осенью возвращалось в Мексику. На юге Калифорнии преобладание испано-язычного населения сохранялось почти до конца прошлого столетия, в то время, как Северная Калифорния незамедлительно стала «оплотом американской колонизации», что отразилось на испанском языке в плане интерференции со стороны английского языка практически на всех языковых уровнях. Как отмечалось выше, испанский язык именно штата Калифорнии, в первую очередь, послужил основой для проведения данного диссертационного исследования.

Еще одним обособленным ареалом испанской колонизации на юго-западе была Южная Аризона. Открытие золота в Калифорнии, среди прочих, привлекло в этот район и значительную часть населения Аризоны. К 1856 году лишь около 300 мексиканцев жили в этих местах, причем большинство из них – в укрепленном Тусоне. В последующие годы часть мексиканских золотоискателей вернулась в Аризону, и испаноязычное население этого штата достигло 1,5 – 2 тысячи человек. Лишь позднее, с развитием медных рудников, железных дорог и экономики в целом, началась новая иммиграция мексиканцев в Аризону.

В центральном и особенно восточном Техасе мексиканцев было не очень много. Большая часть мексиканского населения всего Техаса была сосредоточена в междуречье реки Нуэсес и Рио-Гранде. На основной территории штата проживало так называемое «старожильческое испаноязычное население» (конец XVI – первая половина XIX веков), которое

к 1870 году «растворилось» в других этнических группах. Таким образом, здесь отмечено влияние, в первую очередь, не «мексиканского», а «староиспанского» языка, а впоследствии (особенно после присоединения к территории США) – английского языка.

На данном диалекте разговаривают представители II и III поколений¹ иммигрантов из Мексики в США. Как правило, они никогда не жили, а часто – ни разу не были на родине своих предков; не признают лингвистического авторитета ни Испанской Королевской Академии наук, ни Мексиканской Академии наук, ни Североамериканской Академии испанского языка (основана в 1973 году). К тому же большинство носителей этого диалекта стремится побыстрее выучить английский язык; «американизироваться», получить хорошую работу, высокую зарплату и перестать испытывать расовую дискриминацию.

Для иллюстрации языковых особенностей *мексиканского территориального диалекта испанского языка за пределами Мексики* рассмотрим несколько примеров:

---

¹ В работе к представителям I поколения чиканос нами относятся люди пожилого возраста, давно проживающие на территории юго-западных штатов Америки, у которых уже за время нахождения в Соединенных Штатах появились дети и даже внуки. Ко II поколению нами причисляются представители средней возрастной категории американцев мексиканского происхождения. К III поколению мы относим молодых чиканос, граждан США.

“Los Inditos”¹

En América nos agringamos,
olvidando el español,
pisoteando arteramente
nuestra rancia tradición.
Los muchachos dicen “quís mi”,
las muchachas dicen “oquey, boy”,
y en lugar de Santos Reyes,
ya nos llega “Santo Clos”.
La naranja ahora es “oranche”,
los helados son “ais crim”,
y lo que antes eran vistas,
ahora les dicen “films”.
Y los bailes ya son “dancings”,
y meriendas son “tis”,
y en lugar de los albures,
todos juegan sólo “Brich”.

Ya todos los inditos se quieren
agringar,
y para estar güeritos, se va a oxigenar,
y los tipos agringados,
ahora bailan puro “swing”.
A un pambazo con chorizo,
se le llama ahora “jat dog”,
y a un merengue con agua y hielo,
se le dice ya “jaibol”.
Adiós, Mexico querido,
de Cuauhtemoc y Cortés,

---

¹ Так часто называют себя латиноамериканцы, указывая на происхождение. Данный пример был услышан нами во время одной из бесед со студентами-чиканос государственного университета в г.Сан-Диего.

ya en lugar de mole de olla,
comeremos “Jam an’ eggs”.

В качестве еще одного примера приводим упражнение на перевод (сначала - на нормы мексиканского национального варианта испанского языка, затем – на английский), которое присутствует в учебном пособии Р. Янга для студентов-филологов (билингвов) государственного Университета г. Сан-Диего:

- M.: Ese t e c o l o t e , e n q u e v e n i s t e a l a e s c u e l í n ? T e v e n i s t e e n t u r a n f l a ?
T.: M e v i n e e n e l b u s i l ó n .
M.: E n t o n c e s l l e g a s t e t a r d e a l a c l e c h a ? Y t u j a i n a , e n q u é s e v i n o ?
T.: S e v i n o c o n u n o s c o m p a s .
M.: E s e t e c o l o t e h a y t e l l e v ó c o n u n a f e r i a p a ’ r e f i n a r .
T.: N o , c a r g ó p o r q u e c o m p r é u n a l a t a .
M.: W a c h a E s e ! N o t r a i s l i s a n i t r a m o s y a p a ñ a n d o l o q u e r a .
T.: E s q u e q u e r í a t r i p i a r m e e n l a n o c h e , e n e l b o r l o u n e s c a n t e .
M.: C l a v a u n a m a d r e p a ’ l b o r l o .
T.: T r i p e a , a n o c h e f u i a r e f i n a r c o n e l p á j a r o , y ¡ y a m e r o n o s t o r c í a l a p l a c a !
M.: ¿ Q u é d e s m a d r e h i c i e r o n ?
T.: E s q u e n o s t i r a m o s d e c h i n g a s o s c o n u n o s c h o l o s d e T i j u a s .
M.: ¡ Q u é ! Y l o s b a t o s t r a í a n f i l e r o !
T.: S i m ó n , p e r o y o s a q u é m i f u s c a y l o s b a t o s l e s a c a r o n .
M.: Y ¿ n o l e s p u s i e r o n r a t a ?
T.: S i m ó n , p e r o d e s a f a n a m o s d e v o l a d a .

M.: Así que los tapados se les pusieron picudos. ¡Que se me hace es pura cábula y pedo el tuyo!

T.: Sabes Que, No cagues el palo y vamos a ponemos ciclones.

[Young R. Manual de español (para los estudiantes de la Universidad). San Diego, 1996. P. 104].

Таким образом, функционирование *мексиканского территориального диалекта испанского языка за пределами Мексики* представляет один из случаев *межвариантной диалектологии*, когда употребление диалекта имеет место за пределами распространения одного из национальных вариантов испанского языка, в данном случае, мексиканского национального варианта. Это отражается, с одной стороны, в сходстве с чертами мексиканского национального варианта испанского языка, с другой стороны, в значительных расхождениях с чертами мексиканского национального варианта испанского языка, сходстве с английским языком.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ДИАЛЕКТОВ СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

По высказыванию известного американского лингвиста У. Дж. Моултона, существуют три большие «лингвистические лаборатории»: 1) диахронические исследования, т.е. изучение истории языков по памятникам; 2) синхронические исследования – изучение живых языков, их сравнение, разработка универсалий; 3) диалектологические исследования, которые как бы объединяют в себе изучение языка в трех измерениях: во времени, пространстве и на социальном уровне [Vea: *Moulton W.G. Structural dialectology // Language*, 1968, V. 44, № 3. Pp. 450 – 465]. Диалектология позволяет получить большой корпус данных, сведения, важные для построения универсалий, дает возможность понять процессы, происшедшие в истории языка.

Отметим, что в диалектологии традиционно выделяются три этапа ее развития: на первом (донаучном) этапе диалектология зарождается в недрах этнографии, где язык рассматривается наряду с другими проявлениями материальной и духовной жизни народа (фольклором, изобразительным искусством и т.д.). На втором этапе развития диалектология перестает быть частью этнографии и становится самостоятельным разделом лингвистики, в котором дается перечень определенных языковых черт (в первую очередь, фонетических, а также морфологических). На их основе осуществляется классификация наречий и говоров. Эти два этапа характеризуют подходы к диалекту в оппозиции его к литературному языку.

Третий этап связан с применением к диалекту идеи о системном характере языка. Данная идея может иметь различные формы и степень воплощения в национальных диалектологических школах [См.: *Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964;*

Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка. М., 2004; *Нарумов Б.П.* Соотношение языков и диалектов в романских странах с социолингвистической точки зрения // *Функциональный и методический аспекты изучения иностранных языков.* М., 1993. С. 11–17; *Он же.* Испанский язык // *Языки мира. Романские языки.* М., 2001. С. 411–462].

Отдельно подчеркнем, что основным в диалектологии является понятие «диалектный признак, диалектная особенность, или диалектное различие» (а с учетом нанесения названного признака на географическую карту – «изоглосса»).

С момента зарождения диалектологии под диалектным признаком подразумеваются только те особенности, которые отличают язык крестьянского населения от языка образованных слоев. Понятие «диалектный признак» с развитием представления о диалекте как о языковой системе, равноправной по своим лингвистическим (но не социально – функциональным) особенностям с литературным языком, приобретает новое содержание и включает в себя не только отличное, но и общее, свойственное диалекту и литературному языку.

Еще в ранних работах по диалектологии при изучении, в частности, немецких диалектов на территории СССР В.М. Жирмунский выделял *п е р в и ч н ы е* и *в т о р и ч н ы е* (примарные и секундарные) признаки диалектов, различия между которыми проявляются при диалектных смещениях. Разграничение названных признаков стало общепринятым и используется при исследовании языковых и диалектных интерференций, процессов образования полудиалекта и разговорного языка, а также других промежуточных языковых слоев (ср. работы Г.В. Степанова, А.И. Домашнева, А.Д. Швейцера, М.А. Бородиной и некоторых др.).

Различаясь между собой, диалекты образуют в то же время разнообразные диалектные объединения, охватывающие зачастую сопредельные территории. Это означает, что у разных диалектов могут быть общие для них признаки, по

которым они входят в диалектные объединения, и частные признаки, отличающие их друг от друга.

Как отмечает В.Г. Гак, «провести точные границы между диалектами невозможно, ввиду того, что границы разных языковых особенностей не совпадают». И далее он, на основании в основном фонетических различий в современном французском языке, выделяет следующие группы диалектов.

«Прежде всего различаются собственно французские и франко – провансальские диалекты. Последние занимают промежуточное положение между французскими и провансальскими. Зона этих диалектов охватывает широкий клин в Восточной Франции, говоры Швейцарии и долины Аосты. ... Собственно северофранцузские диалекты делятся на следующие группы: а) франсийский: диалект Иль – де – Франса, историческая основа современного французского языка; б) северные: нормандский, пикардский, валлонский (в Бельгии); они сохранились в большей степени; в) западные: анжуйский, мэнский, галло (в Бретани); г) юго – западные: пуатевинский, сентожский, ангулемский; д) центральные диалекты Турени, Берри; е) юго – восточные: бургундский, франш – конте; ж) восточные: лотарингский, шампанский. Иногда диалекты группируют иначе: нижне – нормандский включают в группу западных; юго – восточные объединяют с восточными, центральными называют говоры Иль – де – Франса в Шампани» [Гак В.Г. Введение во французскую филологию. М., 1986. С.120 – 121].

Обращаясь к вопросам испанской диалектологии, необходимо прежде всего сказать о единстве испанского языка. Единство испанского языка не означает тождества фонетической, морфологической, синтаксической, лексической и словообразовательной систем у всех его носителей. Наоборот, устная и письменная испанская речь постоянно варьируются: есть разные системы произношения, существуют различия в образовании морфологических форм и синтаксических

конструкций, значительные несовпадения в словарном составе.

Если такие различия оказываются свойственными носителям испанского языка на отдельных территориях, то можно говорить, что на данных территориях присутствуют местные диалекты, отличные друг от друга по определенным языковым особенностям.

Интересен в этом отношении пример функционирования диалекта мексиканского штата Табаско. К примеру, здесь на фонетическом уровне можно выделить следующие особенности: а) редукция или полное исчезновение безударных гласных в конце слова: grupo [grúp((o))] 'группа', juguetes [xugét(e)h] 'игрушки', bufanda [bufánd(a)] 'шарф'; б) исчезновение конечных [s] и [z]: *vato* – *vamos* – 'мы идем'; *compra* – *compramos* – 'мы покупаем'; в) эллипсис конечного [s] в конце слога, а точнее – происходит трансформация звука [s] в специфический звук, похожий на [x] (с придыханием) [expléndido] – *espléndido* – 'превосходный'; [Tabaxco] – *Tabasco* – 'Табаско'; д) эллипсис [r] и [n] в конце слов. Наиболее заметно отсутствие [r] в инфинитивной форме глагола: *canta* – *cantar* – 'петь'; е) наличие специфического звука [f]: bush [buʃ] 'тыква', *xix shish* [ʃiʃ] 'осадок (кофейная гуща)'.

Обратимся к анализу лексических особенностей испанского языка мексиканского штата Табаско.

Как известно, слова и фразеологизмы, которые свойственны лишь местным диалектам, называются лексическими диалектизмами. У них есть свои разновидности. Во-первых, выделяются собственно лексические диалектизмы, выступающие в качестве синонимов литературного языка. Во-вторых, так называемые этнографические диалектизмы, которые являются названиями таких специфических предметов и явлений, которые характерны лишь для зоны распространения диалекта. В-третьих, еще одной разновидностью лексических диалектизмов считаются семантические диалектизмы, пред-

ставляющие собой диалектные значения общеупотребительных слов. На примере функционирования лексем в диалекте мексиканского штата Табаско продемонстрируем вышеперечисленные разновидности лексических диалектизмов.

Так, к собственно лексическим диалектизмам здесь можно отнести следующие: *parear* (Табаско, Мексика) – *robar* (Испания) – ‘воровать’; *casarizo* (Табаско, Мексика) – *el víguelas* (Испания) – ‘рябой – о человеке’.

К этнографическим диалектизмам штата Табаско следует причислить *mash* – ‘дикий перец небольших размеров’; *chaуа* – ‘трава, которую употребляют в пищу’; *chí-chimbacal* – ‘маленькая ночная птичка с темно-зеленым оперением и желтой грудкой’; *chuchumo* – ‘шишка, синяк’ и другие.

Семантическими диалектизмами в испанском языке мексиканского штата Табаско являются: *devanar* – ‘пачкаться’ (Табаско, Мексика); ‘корчиться от смеха’ (Мексика); ‘намотать (нитки)’ (Испания); *самелар* – ‘высматривать, выслеживать; подстергать’ (Табаско, Мексика); ‘ухаживать, говорить любезности; обольщать’ (Испания) и др.

В данном регионе также присутствуют изменения в функционировании грамматических единиц, хотя названные изменения, как правило, имеют место и в большинстве других латиноамериканских стран: например, употребление вспомогательного глагола *andar* в качестве синонима вспомогательного глагола *estar* в описательной конструкции *andar* + герундий; расширение сферы применения вспомогательного глагола *estar* взамен вспомогательного глагола *ser*, прежде всего в глагольных конструкциях *ser* / *estar* + прилагательное; использование множественного числа у безличных глаголов.

Однако в штате Табаско есть и свои особенности: во 2^м лице ед. числа претерита индикатива употребляется морфема – *stes* вместо нормативной морфемы – *ste*: *trajistes* – *trajiste* ‘ты принес’, *vivistes* – *viviste* ‘ты прожил’; *dijistes* – *dijiste* ‘ты сказал’; *distes* – *diste* ‘ты дал’; здесь некоторые существительные имеют женский род, в то время, как в столице и

других регионах они – мужского рода: *la color* – ‘цвет’; *la sarten / la sartena* – ‘сковорода’; ряд существительных женского рода меняют свою конечную гласную –е на –а: *la troje* – *la troja* – ‘амбар’; *la chinche* – *la chinchá* – ‘клоп’ [См.: Смирнова И.В. Испанский язык на территории мексиканского штата Табаско: Автореферат дисс... канд. филол. наук. М., 2006].

При этом наибольший интерес представляют классификации диалектов испанского языка в рамках не одной, а нескольких стран.

Рассмотрим следующую классификацию диалектов испанского языка в странах Латинской Америки, основанную на их географическом разделении на климатические зоны: Антильские острова, прибрежные районы Мексики, Центральной Америки, почти вся территория Венесуэлы, Тихоокеанское побережье Южной Америки (от Колумбии до северной части Чили), где обнаруживаются схожие фонетические признаки. Например, здесь, как и в Андалузии, распространено ослабление и даже потеря финальных согласных, реализация /x/ как [h], эллипсис /d/ в позиции между гласными и некоторые др.

Исходя из этой теории, делались попытки связать существующие между названными территориями различия (прежде всего в области фонетики) с местом проживания испанских конкистадоров в Испании, часть из которых, как известно, были выходцами из Андалузии. М.Л. Вагнер и А. Розенблат утверждали, что конкистадоры искали на вновь открытых территориях климатические условия, схожие с теми, в которых они проживали в Испании: кастильцы, выходцы из «высокогорных и холодных» регионов, обосновывались в гористой местности в глубине континента, а андалузцы, жители «низинных и жарких» по климатическим условиям областей, селились на побережье [Vea: Wagner M.L. El supuesto andalucismo de América y la teoría climatológica // Revista de filología española. Madrid, 1927, t. 14. Pp. 20 – 32;

Rosenblat A. Los conquistadores y su lengua. Caracas, 1977. P. 253]. Мы поддерживаем данную точку зрения.

Остановимся на анализе классификации диалектов современного испанского языка в различных регионах его распространения, базирующуюся на лексических признаках [Vea: Cahusac F. La división del español de América en zonas dialectales: solución etnolingüística o semántico-dialectal // Lingüística española actual, 1980, №2. Pp. 385 – 461], в которой указанный ученый провел сопоставительное исследование особенностей употребления ЛЕ в разных диалектах испанского языка на уровне нескольких латиноамериканских национальных вариантов с учетом стратификации общества (нижние слои общества – бедное крестьянство, высшие слои общества – богатые представители городского и сельского населения). С помощью региональных словарей и глоссариев М.А. Каузака составил перечень из 184 терминов. Он разделил их на три категории слов: 1) номинация сельских жителей; 2) номинация особенностей труда данного страта общества; 3) номинация особенностей их быта.

Анализ терминов, проведенный М.А. Каузаком, послужил в некоторой степени основой для дальнейшего разделения диалектов испанского языка Латинской Америки на 4 группы. К первой группе, согласно М.А. Каузаку, относится территория протяженностью от некоторых регионов, принадлежащих в настоящее время США (Нью-Мексико) на севере, до прибрежных районов Эквадора и Перу на юге, включая весь ареал Мексики и Центральной Америки, так же, как и Антильских островов и Карибского побережья Южной Америки. Как известно, в названных зонах дифференцированно функционируют лексемы *charro* ‘чарро (мексиканский крестьянин-наездник)’ (север Мексики) и *Llanero* ‘крестьянин’ (крайний юг, включая центральный регион Венесуэлы и часть Колумбии). Ко второй диалектной зоне относится район от Анд до севера Чили и северо-запада Аргентины, где реализуются термины *chacarero* ‘земледелец; фермер’ и *paisano* ‘деревенский

житель'. К третьей диалектной зоне самостоятельно относятся Чили, где в значении 'крестьянин' широко употребляются лексические единицы *huaso* и *campañista*. Четвертая зона включает Аргентину, Уругвай и Парагвай, приграничные территории Бразилии: в качестве определяющего термина здесь выступает *gaucho* 'пастух'.

Остановимся более подробно на языковых особенностях испанского языка в Центральной Америке и истории его изучения, которую можно разделить на 2 этапа.

I этап традиционно датируется концом XIX века. Как и в других частях Нового Света, первые описания особенностей разговорной речи жителей стран Центральной Америки «базировались» на происпанской традиции, согласно которой было необходимо объединить все усилия, чтобы разновидности испанского языка латиноамериканского ареала не выделились в самостоятельные языки, как это произошло с латынью. Отсюда – озабоченность «чистотой» языка. Естественно, что при этом не существовало таких понятий, как «диалект» и «вариант». Последние квалифицировались как «варваризмы», «провинциализмы» или просто «дефекты». Среди первых авторов данной эпохи следует назвать К. Гаджини в Коста-Рике, М. Баррето в Никарагуа, А. Багреса в Гватемале, А. Мембреньо в Гондурасе и С. Салазара Гарсиа в Сальвадоре.

II этап начинается со второй половины XX века, когда наметился сдвиг в теоретическом и концептуальном аспектах ученых – лингвистов и стали развиваться диалектология, дескриптивная лингвистика, а позднее – социолингвистика и генеративно – трансформационная грамматика. Здесь необходимо отметить труды К. Лентцнера, Р. Предмора и Д.Л. Кэнфилда в Гватемале; Д.Л. Кэнфилда в Сальвадоре; Х. Лакайо в Никарагуа; М. Кантиллано Вивеса в Коста-Рике и С. Робе в Панаме.

Можно выделить и III тенденцию в развитии лингвистических учений в Центральной Америке. Это – исследования прежде всего в области лексики, анализировавшие влияние на язык «туземного субстрата» и преувеличивавшие роль последнего. Примеры названной тенденции мы находим в трудах Х. Фернандеса Ферраза в Коста-Рике; С. Барберена и П. Геоффроя в Сальвадоре и С. Мантика в Никарагуа.

Рассмотрим особенности испанского языка в Центральной Америке.

Вокализм. Как и в других испаноязычных регионах, «центральноамериканский испанский», особенно в сельской местности, отличается «нестабильностью» безударных гласных среднего и высокого подъема: *dispertar*, *sepultura*, *escrebir*, *dicir*, *escuro*, *menistro*, *fechuría*.

Относительно финальных гласных, в Сальвадоре и Коста-Рике наблюдаются отдельные случаи их оглушения: *poch*, *puent*. А в сельских регионах центральной части Коста-Рики реализуются конечные /e, o/ как [i, u]: *deme esto* → *demi estu*, *palo* → *palu*, *parque* → *parqui*. С другой стороны, в Панаме, Коста-Рике и Сальвадоре происходит назализация гласного, который предшествует носовой согласной /n/: [ˈentrã, basˈtõ] *entran*, *bastón*.

В том, что касается трансформаторики, существует общая тенденция «исключения» зияний, что происходит благодаря двум процессам изменения основного ударения: дифтонгизации и эпентезы. Дифтонгизация (*patear* → *patiar*, *peor* → *pioer*, *cohete* → *cuete*) распространена по всей территории Центральной Америки. Эпентеза имеет место, когда ударение падает на первую гласную; в этом случае между двумя гласными добавляется полугласный звук [j]: *batea* → [baˈteja], *sandía* → [sanˈdija].

Консонантизм. В Центральной Америке имеет место изменение согласных фонем. Здесь отмечаются следующие явления:

а) вокализация: [per'feito] – [per'feto] perfecto, [direito] directo, ['taisi] taxi, ['kausula] cápsula. Названное явление встречается прежде всего в сельской местности.

б) альтерация: [asek'tar] aceptar, [akso'luto] absoluto, [kon'sekto] concepto (и гиперкоррекции, как [in'septo] insecto, [op'tubre] octubre), ['ridmo] ritmo, ['eðniko] étnico, [iɲno] himno.

в) эллипсис: [es'traño] extraño, [espo'ner] exponer, [kon'seto] concepto.

Отметим, что альтерация и эллипсис присущи всем социальным слоям населения Центральной Америки.

Охарактеризуем морфосинтаксические особенности испанского языка в Центральной Америке.

Одной из самых характерных черт «центрально-американского испанского» является, на наш взгляд, парадигма форм обращения. С одной стороны, здесь, как и в других испаноязычных странах, встречается реализация формы usted со значениями – «дистанция», «уважение» или «вежливость». С другой стороны, для обозначения солидарности, аффекта или фамильярности используются местоименные формы обращения (МФО) vos у tú.

Границы употребления voseo простираются от Гватемалы до восточной части Панамы (в зоне, граничащей с Коста-Рикой). При этом узуальны глагольные формы с суффиксами -ás, -és, -ís: vos tomás, vos comés, vos partís. Однако в Панаме функционируют vos tomáis, vos coméis. Парадигма voseo распространяется также на субхантив: que vos tomés, comás, durmáis, que vos hayáis tomado и т.д. В Гватемале и Сальвадоре местоимение vos употребляется со значением экспрессии: ¡qué bueno, vos!

Форма tú применяется практически на всей территории Панамы, но на востоке страны (на границе с Коста-Рикой) функционируют tú и vos. Кроме того, в Гватемале и Сальвадоре отмечается реализация МФО tú в значении «солидарность», а не «фамильярность» (как в Коста-Рике). Отдельно

подчеркнем, что в Коста-Рике в последние годы наметилась тенденция к использованию *tú* взамен *vos*.

Интересны наблюдения А. Граэля и М. Килиса (1995) по реализации МФО на востоке Панамы, где родители обращаются к детям на *vos* или на *tú*. Последние им отвечают на *usted*; супруги общаются друг с другом на *usted* или на *vos*; близкие родственники и друзья используют все 3 формы обращения.

Употребление МФО *usted* в значении солидарности известно в Коста-Рике и в сельских районах Панамы при обращении к братьям и сестрам, детям, друзьям и знакомым.

Использование безударных форм личных местоимений «следует» пиренейскому стандарту: *las vio, le dijo, lo miraron*. Однако в указанном ареале в аккумулятиве периодически функционирует форма *le*, к примеру, при обращении к клиенту в офисе или по телефону: *¿ya le atienden?, le llamamos después* и т.д. *Leísmo* также реализуется в предложениях с *se*: *se le nota, se le vino, me le fui*. В Центральной Америке наблюдается общая тенденция к согласованию аккумулятива (*lo/la*) с дативом во множественном числе (*les*): *les dio la carta a los muchachos* → *él se la dio*.

Но как бы ни были велики расхождения между диалектами, а также между диалектами и литературным языком, единство испанского языка сохраняется, ибо сохраняются основы фонетической системы (состав гласных и согласных фонем, их сочетаемость друг с другом), морфологического строя (состав частей речи), синтаксиса (построение словосочетаний и предложений); сохраняется и основной лексический фонд (слова, обозначающие жизненно важные предметы и явления действительности, признаки, действия и состояния).

ДИАЛЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО КОЛУМБИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Известный колумбийский лингвист Х. Монтес Хиральдо выделяет два *супердиалекта* в колумбийском национальном варианте испанского языка: *прибрежный* (А) и *внутриконтинентальный* (В), основываясь на произношении фонемы /s/ в качестве взрывной в положении после гласных, а также присутствию / отсутствию нейтрализации /r/, /l/, /n/ на конце слога и слова.

Х. Монтес Хиральдо приводит следующие основные фонологические характеристики *прибрежного супердиалекта* (А): аспирация или потеря финальной /s/: [éyoh, míhmo, dehnúfo] = *ellos* 'они', *mismo* 'тот же самый', *desnudo* 'обнаженный'; оглушение звонких согласных [lah ʔaka] = *las vacas* 'коровы'; ассимиляция по типу последующей согласной [wíkki] = *whisky* 'крепкий алкогольный напиток виски', [díkko] = *disco* 'диск; круг; шайба' и др. Наряду с этими основными региональными произносительными нормами, Х. Монтес Хиральдо выделяет также дополнительные:

- оглушение /s/ в положении между гласными;
- нейтрализация взрывных /r/ и /l/ и эллипсис /r/ на конце слова;
- «велярная» артикуляция /n/: признак, всеобщий в прибрежных областях и практически отсутствующий внутри страны;
- «усиленная» артикуляция /ʃ/, иногда при произношении сливающейся с /t/;
- сохранение «архаичной» /h/;
- эксплицитная артикуляция в зиянии некоторых сочетаний гласных, которые внутри страны являются дифтонгами: *caúseo* 'холодная закуска; легкая еда', *caúcho* 'непромокаемый плащ', *criollo* 'креол' и т.д.;
- слабая артикуляция обеих фонем /ɺ – /y/, которые в большинстве случаев произносятся как полусогласный [j]: [káje] = *calle* 'улица', [ójo] = *hojo* 'круглая яма; рывина; могила', а в некоторых случаях (крайне редко) – вообще не произносятся: [gaína] = *gallina* 'курица' [Vea:

Montes Giraldo J.J. Un tipo de composición nominal y el español “atlántico” // *Boletín del Instituto Caro y Cuervo*. Bogotá, 1977, t. XXXII. Pp. 20 – 21; El español de Colombia. Propuesta de clasificación dialectal // *Boletín del Instituto Caro y Cuervo*. Bogotá, 1982, t. XXXVII. Pp. 23 – 92].

В том, что касается грамматики, Х. Монтеc Хиральдо отмечает употребление вспомогательного глагола *hacer* во временных оборотах в форме множественного числа (*hacen veinte años* ‘двадцать лет спустя’ и т.д.) [Vea: *Montes Giraldo J.J.* Un tipo de composición nominal y el español “atlántico” // *Boletín del Instituto Caro y Cuervo*. Bogotá, 1977, t. XXXII. P. 3].

По мнению данного филолога, *прибрежный супердиалект (А)*, в свою очередь, подразделяется на два диалекта: Карибский и Тихоокеанский прибрежные диалекты. Кратко остановимся на их рассмотрении:

- 1) Карибский прибрежный диалект охватывает все Атлантическое побережье Колумбии (штаты Гуахира, Цесар, Магдалена, Атлантик, Боливар, Сукре, Кордова и некоторые регионы Антиокии, севера Сантандера и восточной части Льяноса).

Х. Монтеc Хиральдо выделяет следующие поддиалекты Карибского прибрежного диалекта: зона вокруг Картахены, где словосочетание *grosso modo* ‘в наивысшей степени’ синонимично лексической изоглоссе *mareтира*; зона вокруг Санта Марты, на территории которой сохраняется сибилант /s/, например, в таких словах, как: *rasguiño* ‘царапина, ссадина’, *jueves* ‘четверг’, *buenas noches* ‘добрый вечер’ и др., а также содержит собственную лексическую изоглоссу *calabazo* ‘дурак; тупица’; регион Гуахиры, где узувальна лексема *cabuya* ‘веревка из питы’, а существительное *jueves* ‘четверг’ произносится как *jueve*; район к северу от Сантандера с присущими данному ареалу, по свидетельству Х. Монтеc Хиральдо, фонетическими явлениями: аспирацией /s/; оглушением звонких

согласных; однако здесь отсутствует нейтрализация /r/, /l/ и /n/. И, наконец, территории в районе восточного Льяноса, в которых сохраняются фонетические признаки, присущие андалузскому диалекту пиренейского национального варианта испанского языка [Vea: *Montes Giraldo J.J.* El español de Colombia. Propuesta de clasificación dialectal // *Boletín del Instituto Caro y Cuervo*. Bogotá, 1982, t. XXXVII. P. 20].

- 2) Тихоокеанский прибрежный диалект, которому присущи: всеобщее распространение *voseo*; присутствие следующих фонетических явлений: переход *d > r* (*maruro* вместо *maduro* ‘зрелый, спелый’, *moro* взамен *modo* ‘манера, способ, образ действия’); спорадическое функционирование *r > d*: *Mosqueda = Mosquera*; повторение наречий: «*Ése... ya lo apunté ya*» ‘Этот... уже все записал’, «*Él no lo trajo no*» ‘Он это не принес’. В данном регионе также отмечается окказиональное употребление сложной формы претерита сослагательного наклонения со вспомогательным глаголом *ser*: «*Si, mayo, juera sido invierno...*» ‘Если бы май был зимой .. [Vea: *Montes Giraldo J.J.* Un arcaísmo gramatical en Colombia: la construcción del Pretérito de Subjuntivo con *ser* // *Boletín del Instituto Caro y Cuervo*. Bogotá, 1976, t. XXXI. P. 35].

Охарактеризуем основные отличительные черты Колумбийского *внутриконтинентального супердиалекта (В)* (градация Х. Монтеса Хиральдо).

Как указывалось выше, в анализируемом супердиалекте отмечается сохранение в качестве сибиллянты взрывной /s/. Также подчеркнем, что, по свидетельству Х. Монтеса Хиральдо, в Боготе при этом частотна аспирация /s/ как в позиции между гласными, так и после них. К тому же, в данном супердиалекте сохраняется фонологическая идентичность /r/ и /l/; реализуются финальные /r/ и /n/ (последняя – лишь на

территориях, прилегающих к регионам, относящимся к прибрежному супердиалекту). В том, что касается грамматики, внутриконтинентальному супердиалекту (В) присуще прежде всего добавление – n – к инфинитивным формам во множественном числе (к примеру, вместо *sentarse* ‘сесть; садиться’ здесь широко употребляется форма *sentarsen* и т.д.).

В свою очередь, Х. Монтес Хиральдо подразделяет *внутриконтинентальный супердиалект (В)* на два диалекта:

- 1) диалект района западных Анд, для которого характерны: явление *yeísmo*; практически полное отсутствие фрикативных и глухих аллофонов фонем /r/ и /r̄r̄/; частотность употребления многоударного аллофона фонемы /r/ на конце слога или слова; присутствие таких лексем, как *pucho* ‘окурок; остаток; последыш’, *chanda* ‘чесотка’, *choclo* ‘зеленый початок кукурузы; кушанье из этой кукурузы’, *cabuya* ‘веревка из питы’, которые указывают на функционирование в названном ареале заимствований из кечуа (три первых слова к ним относятся).

Указанный диалект, по мнению Х. Монтеса Хиральдо, распространен в Антиокии (кроме ее северной части), Кальдасе, Киндио, Рисаральде и на некоторых территориях провинций Толима и Валье дел Каука. В свою очередь, диалект района западных Анд разделяется названным ученым на два поддиалекта: *paísa* ‘уроженец, уроженка провинции Антиокия’ (Антиокия – в меньшей степени на северо-западе, Кальдас, Киндио, Рисаральда, отдельные территории Толимы и Валье дел Кауки) с произношением /s/ в качестве апикоальвеолярной; равнинная зона с нормами произношения /s/ в качестве переднеязычной, а иногда здесь вместо фонемы /n/ реализуется фонема /m/ (исключая случаи традиционного употребления /m/ взамен /n/ перед губно-губными);

- 2) диалект района восточных Анд, который отличается, в первую очередь, сохранением оппозиции /λ – /y/ (за исключением столицы Колумбии, Боготы), которая при-

существует также в регионе восточных Кордильер, от провинции Нариньо на границе с Эквадором до границы с Венесуэлой; широким использованием фрикативных глухих аллофонов фонем /r/ и /rr/, а также ассибиляцией последних. При этом в Боготе отмечается спорадическое функционирование комбинации [tr], озвученной как [xɾ].

Исследуемый диалект «охватывает» следующие провинции: Нариньо, Каука (за исключением прибрежных районов), Уила, часть Топимы, Кундинамарка, Бойака, Сантандер (включая его северные территории). Здесь, на наш взгляд, можно было бы выделить еще два поддиалекта: единая зона Нариньо – Валье дел Каука (на основе общих фонетических характеристик, в первую очередь, «усиленной» артикуляцией /š/) и единый регион Топимы – Уилы (на основе функционирования лексической изоглоссы *chumba*, синонимичной *choclo* ‘зеленый початок кукурузы; кушанье из этой кукурузы’ [Vea: *Montes Giraldo J.J.* El español de Colombia. Propuesta de clasificación dialectal // *Boletín del Instituto Caro y Cuervo*. Bogotá, 1982, t. XXXVII. Pp. 30 – 33].

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Современный период в развитии испанистики характеризуется возросшим интересом к изучению живой разговорной речи. В последние годы речевое общение изучается не

только в чисто языковом плане, но и во всем многообразии его проявлений – с позиций социологии, лингвистической прагматики, национально-культурной специфики речевого общения, межкультурной коммуникации, диалектологии.

В настоящий момент испанский язык является одним из наиболее распространенных языков в мире (приблизительно 400 миллионов говорящих, или 5,9% от всего населения на планете).

Проблема национально-культурной специфики общения тесно связана с проблемой вариативности. Как известно, вариативность свойственна всем языковым уровням, в то же время в вариативности единиц разных уровней прослеживаются свои особенности.

В качестве основных внутренних и внешних причин фонетических вариаций Г.П. Торсуев называет следующие: устройство органов речи и особенности самого процесса речи, системные взаимоотношения звуковых единиц (внутренние причины), потребности функционально-стилистической дифференциации, наличие диалектных (пространственных и социальных) различий (внешние причины).

В то же время нельзя не отметить, что, если в условиях одноязычной ситуации, когда состав внутренних и внешних причин фонетической дифференциации действительно может быть ограничен перечисленными выше, то в двуязычной и многоязычной ситуации (на территории США) к ним добавляются новые причины. Фонетическая интерференция контактирующих языков в условиях двуязычия и многоязычия является тем объективным внешнелингвистическим фактором, который существенно влияет на количество и качество фонетических вариантов и, следовательно, на сам процесс формирования территориального «стандарта» произношения. Значение этого фактора вариативности особенно возрастает в случае употребления неродного языка (английский язык в речи чиканос – американцев мексиканского происхождения), звуковой строй которого как бы накладывается на первичную

фонетическую систему, часто лишенную параллельных фонем во втором языке.

В фонетической системе современного испанского языка на территории юго-западных штатов Америки в речи чиканос прослеживаются как общеиспанские, панамериканские, региональные черты, так и собственно локально-специфические особенности.

К общеиспанским чертам на данном языковом уровне относится, в первую очередь, артикуляционная база.

К панамериканским чертам – явление seseo; аспирация и исчезновение /s/; нередко обнаруживается функционирование [x] взамен [f]: jue [xwé] вместо fue [fwé] ‘он ушел’.

К региональным чертам следует причислить явление ueísmo: неразличение произношения аффрикаты [y] и щелевого бокового плавного [λ] в пользу аффрикаты [y] (однако на территории США фонема /λ/ может быть произнесена как [ø]).

Локально-специфические особенности фонетической системы испанского языка на территории юго-западных штатов Америки проявляются в следующем: с одной стороны, здесь присутствуют особенности мексиканского национального варианта испанского языка; с другой – наблюдается значительное влияние фонетической системы английского языка (прежде всего – американского национального варианта английского языка).

Яркими чертами фонетики мексиканского национального варианта испанского языка, как и фонетики испанского языка на юго-западе США, являются: 1) потеря безударных гласных; 2) появление назальных сегментов после /s/; 3) фонема /b/ меняется на /g/ перед сочетанием гласных ue (abuelo > agüelo ‘дедушка’); 4) особый, «певучий» тип мексиканской интонации.

В рассматриваемом ареале в настоящий момент происходит становление собственных локальных фонетических норм: в отличие от мексиканского национального варианта

испанского языка, где наблюдается широкий диапазон произношения согласной /x/ ([s] в начале слова и перед согласными; [x] между гласными; аутентичное произношение [ʃ] в словах индейского происхождения), в испанском языке на территории юго-западных штатов Америки отмечается двойное озвучивание фонемы /x/: первым выступает вариант [h], полностью повторяющий артикуляцию английской фонемы /h/; другим аллофоном является [x], глухой, фрикативный. При этом на юго-западе США было зафиксировано окказиональное функционирование начального [f] взамен [x]: [fúnto de mí] вместо [xúnto de mí] 'рядом со мной'. Здесь имеет место также изменение [g] в позиции между гласными на [b] или [v].

Английские звуки [æ] и [ə] выступают при этом новыми аллофонами испанской фонемы /a/; присутствуют также английские согласные: [h], [ʃ], [θ], [z], [v] и [r].

В своем исследовании мы учитываем и орфоэпические нормы английского языка в США: к примеру, повсеместное функционирование гласного звука среднего ряда [a], «ретрофлексного гласного», ретрофлексного сонанта [r] и др. В отличие от «стандартного» английского долгого звука [a:], который представляет собой гласный звук заднего ряда, звук [a] в американском национальном варианте английского языка характеризуется как гласный звук среднего ряда. По высоте подъема эти звуки не отличаются друг от друга: оба они относятся к широкой разновидности низкого подъема. Второй особенностью звука [a] в американском национальном варианте английского языка является наличие у него двух разновидностей: долгого [a:] и краткого [a]. В большинстве региональных типов американского произношения краткий нелабиализованный [a] встречается в словах типа not 'не; нет', top 'верх', dock 'док', nod 'кивать (головой)', rob

‘грабить’, т.е. там, где в RP используется краткий лабиализованный [ɒ]. В некоторых «безэрных» типах American English (американский английский) долгий [ɑ:] и краткий [ɑ] контрастируют в одинаковом фонетическом окружении (ср. cot [kɑt] ‘детская кроватка’ и cart [kɑ:t] ‘телега’).

На территории США в положении с предконсонантным [r] долгий [ɑ:] встречается лишь в весьма ограниченной группе слов (father ‘отец’, alms ‘милостыня’, palm ‘пальма’ и др.). Здесь долгий [ɑ:] и краткий [ɑ] противостоят друг другу в немногих минимальных парах типа bomb [bɑm] ‘бомба’: balm [bɑ:m] ‘бальзам’. В некоторых районах Среднего Запада различие между этими звуками настолько незначительно, что фонетисты, ориентирующиеся на этот произносительный тип, транскрибируют их одинаково как [ɑ].

Наиболее заметной особенностью американского произношения является то, что в них вместо долгого напряженного гласного среднего подъема [ɜ:] используется так называемый «ретрофлексный гласный», который чужд RP и на территории Англии встречается лишь в местных диалектах (главным образом на юго-западе страны). Например, в словах типа bird ‘птица’, worm ‘червь’, first ‘первый’ произносится гласный среднего ряда среднего подъема, позиционно соответствующий [ɜ:] или [ə], но со специфическим *r*-образным (*r*-colouring) оттенком.

Изученный и представленный нами в работе материал показывает, что фонетические характеристики американского национального варианта английского языка на юго-западе США имеют свои региональные национально-культурные особенности: они включают сохранение гласных звуков [ɜ́],

[ə́] и согласного [r] в конечной позиции в слове и перед согласными. В словах с комбинацией /ar/, например, cart ‘телега’ всегда звучит [ɑr]; варианты [ar] и [ɒr] встречаются крайне редко. В лексемах forest ‘лес’, horrid ‘ужасный’, orange ‘апельсин’ и warrant ‘ордер’ превалирует [ɔ], а в borrow ‘одолжить’, sorry ‘жалкий’ и tomorrow ‘завтра’ – [ɑ]. В таких ЛЕ, как barren ‘бесплодный’, narrow ‘узкий’ и parrot ‘попугай’ гласный [ɛ] произносится чаще, чем гласный [æ]. В слове various ‘различный’ узуален гласный [ɛ], а [e] и [æ] звучат редко. В лексемах hurry ‘торопиться’, worry ‘беспокойство’ и courage ‘храбрость’, как правило, произносится либо гласный [ɜ́], либо звукосочетание [ɜr]. Различия между комбинациями [ɔr] и [or] (данные комбинации присутствуют в словах horse ‘лошадь’ и hoarse ‘хриплый’) практически утрачены: обе лексемы стали омофонами: [hɔrs].

Таким образом, вышеприведенный материал свидетельствует о том, что в испанском языке на территории юго-западных штатов Америки в настоящий момент происходит становление своих собственных территориальных фонетических норм.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И ИХ ЮГО-ЗАПАДА

В современном испанском языке США и их пяти юго-западных штатов: Калифорния, Техас, Нью-Мексико, Колорадо и Аризона имеют место серьезные структурные изменения в лексической системе языка благодаря, в частности, ин-

терференции со стороны английского языка. Отдельно подчеркнем, что в своей работе мы изучаем прежде всего не форму лексем (и имеем дело не с типами заимствований), а их содержание с точки зрения совпадения или различий понятийного аппарата современного испанского и английского языков, т.е. анализируем не формообразующие, а семантические сдвиги в лексической системе испанского языка в юго-западных штатах Америки. При этом следует говорить о расширении (сужении) и даже изменении значений исконно испанских слов, а также рождении в указанном ареале своего собственного словаря.

Перейдем к рассмотрению конкретного языкового материала в свете теории языковых контактов, которые, как известно, находят свое отражение, в первую очередь, в лексике. Сравнивая социолингвистические концепции у Вайнрайха и Л.В.Щербы, проанализируем заимствования из английского языка в современном испанском языке на территории США и их юго-запада с точки зрения как собственно лингвистических, так и социальных (субстратных, суперстратных) языковых контактов между английским и испанским языками в данном регионе.

Отметим, что при исследовании языковых контактов на юго-западе США мы определяем статус испанского языка как языка «подчиненного меньшинства» в контакте с языком «господствующего большинства», начиная с 1848 года, когда США «захватили» данные территории у Мексики. Как в случае с иберами, присутствие испаноязычного населения наблюдается в английском языке в топонимических терминах (El Paso, San Diego, Los Angeles, Santa Bárbara, Sacramento, San Juan, Salinas, San José, San Antonio, La Jolla и т.д.). Англоговорящие колонизаторы научились определенным ремеслам у испанцев, мексиканцев и индейцев. В результате этих социальных и лингвистических субстратных контактов английский заимствовал из испанского следующие лексемы:

buckaroo, lariat, rodeo, corral, burro, stampede, chaparral, calaboose, mesa, canyon, ranch, barbecue. Отражением применения опыта местного населения в области гончарного ремесла выступает появление в английском языке *placer* и *bonanza*. К концу XIX века бывшие мексиканские территории полностью находились под контролем англоязычных эмигрантов, которые своей волей определили английский в качестве официального языка образования, судебного делопроизводства, управления и торговли. С другой стороны, такой фактор, как непрерывающаяся иммиграция из Мексики, безусловно, способствовал сохранению испанского языка в Северной Америке.

Ведущий североамериканский филолог М. Аурелио Эспиноса в своем труде «Очерки об испанском языке штата Нью-Мексико» проанализировал приблизительно 300 англицизмов в испанском языке штата Нью-Мексико [Vea: *Espinosa Aurelio M. Studies in New Mexican Spanish. New Mexico, 1909, vol. 1, №2. Pp. 141 – 150*]. Указанные в изыскании заимствования отражают не только лингвистическое, но также и с о ц и - а л ь н о е с у п е р с т р а т н о е влияние, что сказывается, в том числе, на обозначении единиц измерения: *bonche*, *cuara*, *nicle*, *peni*, *dola*, *bil*. Некоторые термины указывают на род занятий: *jobe*, *deschachar*, *cuitiar*, *parna*, а в ряде случаев – на товары широкого потребления: *bogue*, *esprín*, *guincheste*, *overoles*, *sinque*, *suera*, *balún*, *ploga*. Иногда имеет место соотношение с американскими продуктами питания: *aíscrín*, *bí-squete*, *jeli*, *greve*, *lonche*, *queque*, *sángüiche*. Влияние американской культуры очевидно и при включении в лексический корпус испанского языка штата Нью-Мексико таких выражений, как: *al bechu*, *enejau*, *evrebore*, *fain*, *fon*, *fone*, *ful*, *fuliar*, *gurbai*, *jeló*, *jarirú*, *olraite*. Как утверждал при этом М. Аурелио Эспиноса, «в короткий период в 50 лет английский язык уже оказал влияние на многие аспекты испанского языка Нью-Мексико, особенно – на его словарный состав» [*Espinosa Aurelio M. Op. cit. P. 149*].

Давайте вспомним, что во время этого периода на юго-западе были развиты сельское, фермерское хозяйство; горнодобывающая промышленность. Исходя из того факта, что мексиканская иммиграция в США значительно возросла к началу века и особенно во время и после мексиканской революции 1910 года, мексиканцы также были привлечены, в первую очередь, к сельскохозяйственному труду, собирая хлопок в Техасе и фрукты и овощи – в Калифорнии. Подчеркнем, что мексиканские иммигранты работали также в низкооплачиваемой сфере услуг и торговли. Те тяжелые экономические условия, в которых жили и работали чиканос, а также появление среди них поколений билингов способствовали широкому распространению английских заимствований в испанском языке. Как правило, на территории юго-запада США заимствования имели одинаковую форму, хотя есть и некоторые вариации: к примеру, в Калифорнии, где шире был представлен рынок международной рабочей силы и на фермах названного штата трудились филиппинцы, арабы, португальцы, китайцы, японцы и мексиканцы, слово, обозначающее место работы, звучит как *fil* (а не *field*). А в Техасе, где работали преимущественно мексиканцы (хотя на востоке Техаса были также темнокожие фермерские рабочие), с аналогичным значением фигурировал стандартный испанский термин *labog*. То есть различия в форме могут быть следствием разных “рабочих” ситуаций, другими словами, разных референтов.

Известно, что на реализацию заимствований оказывают влияние также и социальные условия. Обратимся к примерам: географическая мобильность чиканос, их мобильность в области занятости отражаются в языке, где появился целый ряд терминов относительно сферы услуг и торговли: *weldeador*, *emplastador* (*plasterer*), *dompero*, *factoría*, *caneria*, *londres*, *meid*, *cuitear*, *descharchar*, *troquero*. Длительное участие чиканос в полевых работах выражено в словах *fil*, *migrante* и *brocle*. Заимствования также присутствуют при обо-

значении мест проживания и обитания американцев мексиканского происхождения: *traques, dipo, dompre, treila*. Последние «копируют» стиль обустройства жилья «белых» американцев следующими лексемами: *yardas, miras de la luz, lotes, sinks, sure, plogues* и *carpetas*, в то время, как *las huayfas dos-teaban, waxeaban* и *mareaban*. Чиканос были также интегрированы в потребительское общество, на что указывают термины: *mapiador, mapiar, juila, teni, guayín*. Вовлечение в практически полностью англоцированную школьную систему привнесло многочисленные словоформы, связанные с процессом обучения в школе: *rula, espelear, taipear, mistear, ponchar, ringuear, espiche, faite, sainear, jaiscul*. Чиканос увлекаются автомобилями, что отражено в нижеследующих терминах: *trosa, cranque, cloche, estare, estarear, suiche, huachas, millaje, treila, saine, puche, yaque, parquear, raite, bos* и *bloques*. Туфли были *chaineados*, а не *lustrados*; люди оказывались *fuleados* вместо *engañados*; домохозяйки оплачивали *biles* взамен *cuentas*; приносили *la llave liquea*, а не *se sale el agua*. Американцы мексиканского происхождения начали «есть» *greve, lonches, sánguiches, harina de flor, aiscrín, binsones* и «пить» *birria de la grocería* или *marqueta*, пока они смотрели телевизор (*wachando la tele*) или читали журнал (*el magasin*).

Делая вывод из всего вышесказанного, еще раз подчеркнем, что заимствования должны изучаться в тесной связи с социальными и историческими условиями, которые они отражают. А именно: проанализированные здесь лексемы типа *migrante, fil, weldador* и *welferero* указывают на историю американцев мексиканского происхождения в США. Термины, связанные с образованием, отражают практическое отсутствие испаноязычного обучения в школе на протяжении многих лет. Словоформы, обозначающие виды сельскохозяйственного труда, свидетельствуют и об отсутствии возможностей получить образование для сегодняшних родителей и представителей старшего поколения, которые проводили свои

«школьные сезоны» на поле. Товары широкого потребления, ранее неизвестные чиканос, сейчас входят в их «потребительскую корзину», о чем свидетельствуют заимствования из английского, и т.д.

А сейчас остановимся на интересном явлении, когда заимствования соседствуют со стандартными и просторечными формами. Подчеркнём, что при этом разница между ними заключается в противопоставлении денотативного значения коннотативному и часто определяется контекстом. Сравним следующие пары:

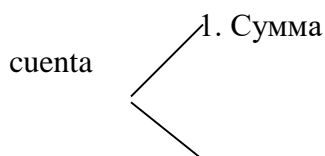
interruptor / suiche
enchufe / plogue, ploga
cuenta / bil
patio / yarda / solar

В большинстве из этих случаев заимствованное слово стало общеупотребимым среди представителей II и последующих поколений чиканос. К примеру, мы полагаем, что среди иммигрантов, прибывших из Мексики в юго-западные штаты США в начале 40^х годов XX столетия, приспособления типа выключателей света были им неизвестны. Небезынтересно, что при этом в некоторых сельских районах как Мексики, так и США в те времена не было электричества, либо свет включался путем потягивания за шнурок, свисающий с потолка. Поэтому было логично, что названия указанных новых приспособлений были введены в испанский язык при помощи английских терминов, ассимилированных к испанской фонологии и морфологии. Денежные расчеты, распространенные на территории Северной Америки, привели к возникновению нового феномена: ежемесячных счетов, пронизывающих все сферы жизни и деятельности в США. Термин cuenta, являющийся стандартным испанским эквивалентом для английского 'bill', сосуществует сегодня с последним со следующими денотативными значениями: 'сумма, общее количество'; 'проведение некоторых подсчетов'; 'проведение подсчетов денежных расходов'; 'личный счет, который должен

быть оплачен', проиллюстрированными в записях информантов:

1. Saca la cuenta.
2. Vamos a sacar las cuentas.
3. Tengo cuentas pendientes con él.
4. Vamos arreglando cuentas [Запись].

В примере 1 cuenta обозначает 'сумму, общее количество' или 'проведение некоторых подсчетов'. Данное выражение можно использовать при выполнении любых видов подсчетов. В примере 2 указанный термин имеет схожее, но более определенное значение: здесь cuenta относится к проведению подсчетов денежных расходов. Так, при подсчете месячного баланса среди чиканос можно услышать: Vamos a sacar las cuentas pa' pagar los biles. В примерах 3, 4, с другой стороны, идет речь о 'личном счете, который должен быть оплачен' и обычно имеет дополнительное значение – 'публичное оскорбление, либо неприятное дело, которое требует возмездия'. Таким образом, для представителей II, III и последующих поколений американцев мексиканского происхождения в юго-западных штатах США лексема cuenta не обозначает 'накладную или декларацию о доходах' (ее нормативное значение). Последнее присуще слову bil. Подчеркнем, что словоформа не обозначает бумажную купюру, как в случае с 'dollar bill'; данное дополнительное значение присутствует у термина billete. Ниже, наряду с основными значениями, приводим разницу в дополнительных значениях слов cuenta и bil в рассматриваемом ареале:

2. Запланированные расходы (конт. мн. число cuentas)

3. Счет

- (конт. личный) дополнительно обозначает 'публичное оскорбление'
- (конт. деловой) дополнительно обозначает 'неприятное дело, которое требует возмездия'

bil

- 1. Декларация о доходах
- 2. Расходы (конт. мн. число -biles (конт. = контекст))

Как видим из вышеприведенной схемы, слово *bil*, кроме значения 'декларация о доходах', расширило свое семантическое поле и в настоящий момент обозначает не только официальный документ, но и сами расходы. На первый взгляд, кажется, что оба термина соотносятся с общими расходами, однако на самом деле в этом значении лексема *cuenta* была полностью вытеснена термином *bil* и фигурирует только в значении 'проведение некоторых денежных подсчетов'. Поэтому всегда реализуется *sacar las cuentas*, но *pagar los biles* или даже *tener muchos biles* – to have many debts. С другой стороны, множественное число *biles* несинонимично *gastos*. Последнее дополнительно обозначает 'личные расходы', в противоположность 'семейным расходам' у термина *biles*.

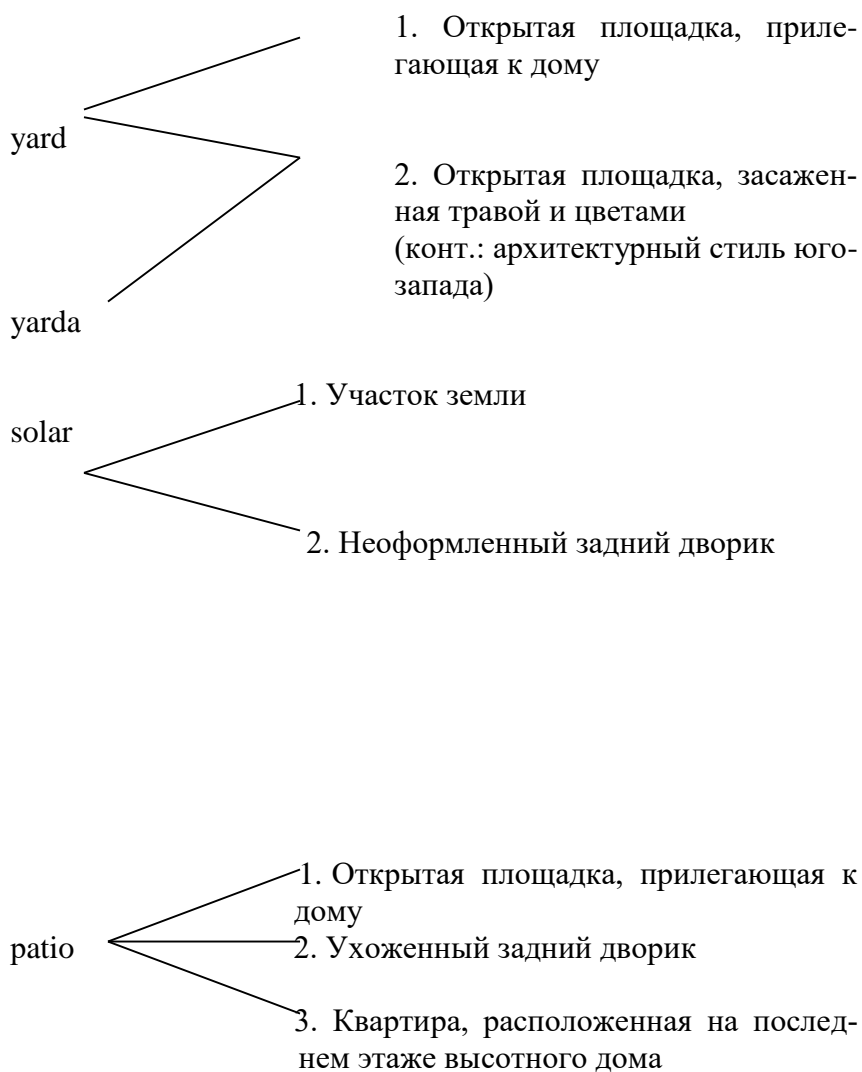
В случае со словами *ratio* и *yarda*, их семантические характеристики также различны. *Yard*, согласно трактованию в «Словаре современного английского языка в США» под ред. Вебстера, это – 'небольшой, обычно огражденный и засаженный цветами дворик под открытым небом, прилегающий к

дому’, но на юго-западе США приведенная словоформа обычно обозначает ‘открытую площадку, засаженную травой или цветами, расположенную напротив дома’ [Webster’s New International Dictionary of the English Language. Springfield, 1993, 3^d ed. P. 573]. Среди чиканос глагольное словосочетание *trabajar en las yardas* имеет значение ‘работать садовником у представителей среднего класса коренных американцев, владельцев больших домов с обилием зелени на участке’. *Ratio*, традиционно обозначающее ‘внутренний дворик’, в указанном ареале приобретает новые значения: ‘задний дворик’ (отметим, что в Латинской Америке, в том числе в Мексике, этот термин относится прежде всего к ухоженному заднему дворику – к примеру, в городах, где все жилые дома находятся прямо у тротуара, он часто бывает вымощен булыжником и декорирован цветами); ‘открытая площадка, прилегающая к дому’. При этом хотелось бы проанализировать еще один термин – *solar* – который также может употребляться для обозначения заднего дворика, но его применение имеет ряд особенностей: на территории Латинской Америки он имеет общее значение заднего дворика, в Испании используется для обозначения пустыря, а на юго-западе США в речи американцев мексиканского происхождения данным термином называют неоформленный задний дворик, а также просто участок земли.

Интересно, что в современном североамериканском национальном варианте английского языка испанская лексема *ratio* обозначает квартиру, расположенную на последнем этаже высотного дома, предполагающую наличие особых условий (стеклянный потолок, зимний сад, площадка под открытым небом для пикников, возможен бассейн под открытым небом, отличная от других этажей форма окон, балконов и потолка, а также ряд других особенностей, возможным благодаря такому расположению). Заметим, что и в современном русском языке встречается слово *ratio*, которое функциони-

рует исключительно в последнем значении. Представим значения вышепроанализированных слов в испанском языке юго-запада США на схеме:

Другие заимствования могут изучаться с точки зрения их коннотативных значений, как, например, отдельные заимствования, которые присутствуют в разговорной речи английской молодежи:

1. Le voy a tener que enseñar inglés a mi chamaco nomás *pa que la haga* en la escuela.
2. Por ejemplo, *de cincho* que vinieron cocineros.
3. Anduvimos por el barrio *watchando la movida*.
4. .... como yo conozco como son los *porasos* de la ganga.

[Запись].

Указанные выражения являются ассимилированными английскими словосочетаниями: ‘to have it made’, ‘it’s a cinch’, ‘watch this’, ‘big party’.

В других случаях, как нам представляется, заимствования дополнительно обозначают ‘принадлежность к народу’ как противопоставление ‘претенциозности’ при использовании стандартного термина. Для сравнения остановимся на рассмотрении следующих примеров:

1. *Misteó* mucha escuela.
2. Faltó mucho a la escuela.
3. Te *misteo* mucho.
4. Te extraño mucho.
5. Tengo que *taipearlo* primero y luego te lo llevo.
6. Tengo que pasarlo a máquina primero y luego te lo llevo.
7. Le dieron esa *chansa* de *patrolman*.
8. Le dieron una oportunidad de trabajar de policía.

[Запись].

В каждом из анализируемых примеров высказывание, содержащее заимствование, на наш взгляд, имеет коннотативное значение ‘фамильярность’ в то время, как стандартные фразы указывают на ‘дистантность’ или ‘холодность’; в некоторых случаях – ‘педантизм’.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о серьезных структурных изменениях, которые происходят в лексической системе испанского языка США.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ SPANGLISH НА ТЕРРИТОРИИ США

Что такое Spanglish? Новый язык, диалект, сленг, функция языка..? Определений много, и они неоднозначны. Ясно одно: Spanglish реально существует.

По последним данным, на середину 2005 г. США занимает уже четвертое место в мире по количеству испаноязычного населения (41.3 млн.) человек, уступая лишь Мексике (94 млн.), Колумбии (46 млн.) и Испании (43 млн.).

Численность испаноязычного населения США возросла на 17% за последние 4 года и составляет около 14% всего населения страны. Из них 58% – американцы мексиканского происхождения; 10% – пуэрториканцы, 5% – кубинцы, 5% – испанцы, 4% – доминиканцы, 2% – сальвадорцы и 11% – из других стран Латинской Америки.

Ожидается, что в ближайшие 20 лет число носителей испанского языка составит 46% всего населения США [U.S. Census Bureau News. Washington, 2005]. Прирост населения среди *испанос* (*латинос*, как в США традиционно называют испаноговорящих жителей) составил 3,6% за последний год. В 12 штатах испаноязычное население превышает 3%; еще в 8 – более 10%; в Калифорнии – 32%; Нью-Мексико – 42%; Техасе – 32% и Аризоне – 25% [Statistical Abstract. Washington, 2002].

Кроме того, Spanglish, через телевидение и другие СМИ, оказывает растущее влияние на состояние испанского языка в Латинской Америке и самой Испании. И с этим нельзя не считаться.

Что же такое Spanglish?

Является ли употребление Spanglish «ухудшением» испанского языка или неизбежным переходным звеном к «глобальному» испанскому? Этот вопрос вызывает споры среди известных лингвистов, писателей и журналистов.

По мнению репортера еженедельника “Time” Дж. Кастро, Spanglish – это, с одной стороны, «американизированный» испанский, с другой – «испанизированный» английский; его употребляют как дети, так и взрослые. *Ir al supermercet, hasta la bye – bye, parquear el carro* и др. стали общеупотребимы в Лос-Анжелесе, Сан-Диего, Майами» [“Time”, 11 de

julio de 1988. P. 6]. Как пишет К.Сильва-Корвалан, преподаватель испанского языка и литературы в университете Южной Калифорнии, «многие люди переходят с английского на испанский и с испанского на английский, почти не обращая внимания на это. Так расширяется сфера применения Spanglish» [“Time”, 11 de julio de 1988. P. 7]. Л. де ла Куэста, преподаватель международного университета во Флориде, поясняет, что Spanglish выступает в качестве кода для испаноязычного населения США. Иногда при этом идет речь об употреблении более коротких предложений по сравнению со стандартными. Ведь в Соединенных Штатах *time is money* (время – деньги), и в определенном смысле Spanglish – это экономия в языке [Подробнее по данному вопросу см.: *Pita B. Spanish for Native Speakers. Supplement Booklet. Advanced Readings and Composition. San Diego, 1995. P. 93*]. Б. Пита, автор учебного пособия «Испанский для носителей языка», предназначенного для студентов-филологов (билингвов) университета г. Сан-Диего, утверждает, что Spanglish выступает в качестве «средства сближения “испанос” и “англос”», и далее продолжает: «безусловно, необходимо признать тот факт, что с точки зрения качества Spanglish – это “ухудшение” (*empeoramiento*) испанского языка. Люди, включая преподавателей школ и университетов, ранее воспринимавшие “живость” и “созидательность” Spanglish (на котором до сих пор пишутся стихи, театральные пьесы; последние, в свою очередь, перекладываются на музыку), начинают его критиковать. Он хорош в качестве развлечения, к примеру, как забава для детей. Однако дети при этом допускают много орфографических ошибок, практически не знают ни грамматики, ни лексики ни английского, ни испанского языков» [*Pita B. Op. cit. P. 94*].

Приведем пример того, что на Spanglish, действительно, пишется художественная литература и даже делаются переводы. Вот как выглядит на Spanglish роман М. Сервантеса

"Дон Кихота" (перевод сделан известным испанистом И. Стивенсом):

"Después salió a ver su caballo, y although el animal tenía más cracks en sus hooves que cuarers en un real, y más blemishes que'l caballo de Gonela, which "tantum pellis et ossa fuit" ("all skin y bones"), nonetheless le pareció al felo que era un far better animal que el Bucephalus de Alexander or el Babieca del Cid. El spend cuatro días complete tratando de encontrar un nombre apropiado oa'l caballo: porque –so se dijo ti himself- viendo que era propiedad de tan famoso y worthy caballero, there was no razón que no tuviera un nombre de equal renombre. El type de nombre que quería was one that would at once indicar what caballo it had been antes de ser propiedad del caballero errant y también what era su status presente; porque, cuando la condición del gentleman cambiara, su caballo also ought to hace una apelación famosa, una high soundin one suited al nuevo orden de cosas y a la new profesión that was to follow; y thus, pensó muchos nombre en su memoria y en su imaginación discardeó many other, aladiendo y sustrayendo de la lista. Finalmente hinteó el de «Rocinante», un nombre that lo impresionó as being sonorous y al same time indicativo of what el caballo had been cuando era de segunda, whereas ahora no era otra cosa que el first y feromost de los caballos del mundo.

"Habiendo foundeado un nombre tan pleasin pa' su caballo, decidió to do the same pa' himself. Esto requirió otra semana. Pa'l final de ese periodo se había echo a la mente that él as henceforth Don Quixoter, which, como has been stated antes, forwardé a los autores d'este trú cuento a asumir que se lamaba Quijada y no Quesada, as otros would have it ..." [Данные Интернет].

Мы полагаем, что Spanish, действительно, выступает в качестве кода для носителей испанского языка в США и его употребление является «ухудшением» испанского языка.

Б. Пита приводит также несколько высказываний студентов университета в г. Сан-Диего, приехавших из гг. Майами и Лос-Анжелеса: «Мне сейчас стыдно разговаривать с моими новыми друзьями по-испански. Они говорят, что я чего-то боюсь и не уверена в себе, но дело в том, что я не могу не прибегать к *Spa nglish* и говорить только на стандартном испанском, для этого мне не хватает слов и знания грамматики»; «у меня возникают постоянные проблемы в общении с друзьями и преподавателями, так как они с трудом меня понимают: я постоянно перехожу с испанского на английский и наоборот» [*Pita B. Op. cit. P. 94*].

Нами разделяется точка зрения Дж. Фишмана о том, что процесс языковой ассимиляции иммигрантов обычно распадается на следующие этапы. На первом этапе иммигрант усваивает английский через посредство родного языка. Английский язык используется лишь в тех сферах, где иммигрант не может использовать родной язык: трудовая деятельность, государственные учреждения. Интерференция со стороны английского языка носит незначительный характер. Уровень владения английским языком невысок, а число владеющих им невелико. На втором этапе увеличивается как число иммигрантов, владеющих английским языком, так и степень освоения этого языка. Иммигранты могут использовать в ряде коммуникативных сфер и родной язык, и английский, все еще опосредованный родным языком. Значительно возрастает интерференция. На третьем этапе (у детей II поколения) контактирующие языки функционируют независимо друг от друга. Число билингвов достигает максимума. Между сферами использования обоих языков наблюдается максимальное перекрещивание. И, наконец, на четвертом этапе английский язык вытесняет родной практически из всех сфер. Таким образом, на протяжении $2^x - 3^x$ поколений происходит переход от смешанного билингвизма (*compound bilingualism*),

т.е. билингвизма¹, когда контактирующие языки находятся в отношении функциональной взаимозависимости, к координативному билингвизму (coordinate bilingualism), при котором языки функционируют независимо друг от друга, и вновь – к смешанному билингвизму. При смешанном билингвизме коллектив обслуживается смешанной социально-коммуникативной системой, в которой одни клетки «функциональной матрицы» заполняются английским языком, а другие – родным языком этнической группы. При этом первая и четвертая стадии характеризуются диаметрально противоположным соотношением между английским языком и родным, но в целом представляют собой один и тот же тип билингвизма [Vea: *Fishman J.A. The Sociology of Language (An Interdisciplinary Social Science Approach To Language In Society)*. Rowley, 1972. Pp. 115 – 116].

Дж. Гамперц и Э. Эрнандес-Чавез также отмечают, что для большинства испанос-билингвов английский служит для выражения формальных отношений. Переключение на английский языковой код означает официальную беседу, в которой собеседники касаются вопросов бизнеса, англо-американской культуры; английский язык может использоваться говорящим, когда тот испытывает чувство агрессии, страха, боли, отчужденности, недовольства или в ситуации «конфликта ин-

---

¹ Под билингвизмом в работе понимается сосуществование двух языков в рамках одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта.

Диглоссия трактуется как сосуществование двух разновидностей одного и того же языка (литературного языка и местного диалекта, двух различных диалектов и т.п.) в пределах единого языкового коллектива, который использует сосуществование разновидности языка в соответствующих коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта [Подробнее см.: *Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США*. М., 1983. С. 185 – 186].

тересов». Испанский язык передает отношения внутригрупповой солидарности и имеет оттенок конфиденциальности. Переключение на испанский происходит тогда, когда в речи говорящими затрагиваются родная культура в ее разнообразных проявлениях, жизнь в баррио, а также при выражении чувства симпатии, доверия, близости, уважения и др. [Vea: *Gumperz J.J., Hernández-Chavez E. Bilingualism, Bidialectalism and Classroom Interaction // Gumperz J.J. Language in Social Groups. Stanford, 1971. Pp. 84 – 108*].

Интересно, что некоторые исследователи присваивают речи американцев мексиканского происхождения (чиканос) юго-западных штатов США дефиницию языка [Vea: *Silva-Corvalán C. Current Issues in Studies of Language Contact // Hispania. Los Angeles, 1990, t. 73. P. 82; Young Ronald R. Una introducción a la lingüística española. San Diego, 1996, vol. 95. P. 4; Grijelmo A. Defensa apasionada del idioma español. Madrid, 2001, 2ª ed. Pp. 273 – 274*]. Эта точка зрения продемонстрирована в романе И. Альенде «Безграничный план», написанном по-английски: “They half-learned English and transformed it into a Spanish so deeply roated that in time it became accepted as the Chicano tongue” («Они наполовину выучили английский и преобразовали его в Spanish, который настолько глубоко укоренился, что со временем был воспринят в качестве языка чиканос») [*Allende I.M. An Infinite Plan. Arizona, 1993. P. 35*].

При этом небезынтересна точка зрения А. Грихельмо относительно будущего испанского языка на территории США: «Испаноязычное население Соединенных Штатов все более озабочено процессом взаимопонимания, оно становится сплоченнее и каждый день использует “этот нейтральный язык”, который позволяет его носителям понимать друг друга, без регионализмов или жаргонизмов, связанных с этнической принадлежностью; выходцы из Испании и стран Латинской Америки говорят на нем интуитивно, употребляя слова, генетически “очевидные”» [*Grijelmo A. Op. cit. P. 254*].

Отдельно остановимся на феномене «переключения кода» (code-switching)², широко распространенном в определенных ситуациях не только в США, но и во всем мире.

Наши наблюдения показали, что можно выделить несколько типов «переключения кода» в рассматриваемом ареале:

I. «Переключение кода» на уровне высказывания

В данном случае в текст вставляются целые иноязычные высказывания. В качестве примера приводим диалог двух приятелей-чиканос Калифорнии, выходцев из сельской местности:

M: – ¡Oh, C_____, vino el del agua!

C: – Uh huh.

M: – Y le dije, le dije que sí, te acuerdas que me dijites que le dijera, que tú querías que te dejaran otro, otra botella.

C: – Mmhuh.

M: – Pues le pregunté que si le' bías dicho y me dijo que no, que he hadn't heard from you or anything like that. And ...

C: – I called the office though.

M: – Oh, but so, no but this guy didn't know anything, so, I told him, I told him, you know, le pregunté, que cuántos, cuántos botellas te dejaba antes y me dijo que dos.

C: – Pero ¿qué le hace?

M: – 'bía dejado estas dos botellas 'horita, puso una aquí y dejó otras dos y dijo, dijo, depende de lo que quieran next month [Запись].

---

² Под «переключением кода» обычно понимается попеременное использование двух или более кодов в рамках конкретной ситуации общения. Термин был впервые использован Р. Якобсоном, К.Г.М. Фантом и М. Хале для описания сосуществования более, чем одной структурной системы в речи говорящего [Подробнее см.: *Jacobson R., Fant C.G.M. and Halle M. Phonology and Phonetics. Massachusetts, 1952. P. 17*].

Еще один пример. Вот разговор двух чиканос, представителей II поколения, проживающих в Калифорнии (один из них ранее жил во Флориде):

– Oye, ¿cómo dijo ese señor que se llamaba? ¿Más y más?

– Algo así, no? Que no sepa don Pedro que anduviste hablando con un aleluya porque...

– Yesterday maybe, right now all he's thinking about is cómo rayárselas a todos los que vayan a misa el domingo.

– ¿Por lo de ayer?

– Well, what do you think?

– Jijo, pero there was a mob of people out there.

[*Hinojosa-Smith R.R. Generaciones y Semblanzas. Berkeley, 1977. Pp. 31 – 32.*]

II. «Переключение кода» на уровне предложения:

а) в ряде случаев разделяются части сложного предложения – главное предложение и придаточное:

– We've got all these kids here right now, los que están ya criados aquí; ... those friends are friends from Mexico que tienen chamaquitos [Запись].

б) иногда «переключение кода» приходится на отдельные части простого предложения. Например, оно может отделять группу подлежащего от группы сказуемого:

– And my uncle Sam es el más agabachado [Запись].

– ... luego se le salió un "Goddamn it" muy del país...

[*Villarreal J.A. Pocho. New York, 1994. P. 98.*]

Либо определение от определяемого слова:

– Ricardo le prendió el mechón a una lámpara de aceite y se puso a leer su libro, Toby Tyler, or Ten Weeks with the Circus.

[Villarreal J.A. Op. cit. P. 72].

В отдельных случаях «переключение кода» «детерминирует» дополнение:

– Te gustará leer Campfires, es un libro para muchachas.

[Villarreal J.A. Op. cit. P. 116].

Вместе с тем, по мнению Дж. Гамперца, существуют определенные языковые ограничения, препятствующие образованию таких конструкций, как скажем: *que have chamaquitos* ‘у которого есть мальчики’ или *he era regador* ‘он был ирригатором’ (т.е., по-видимому, «переключение кода» не может охватывать отдельные «семантически опустошенные» элементы типа *he* или *have*) [Vea: Gumperz J.J. Language in Social Groups. Stanford, 1971. P. 320].

III. «Переключение кода» на уровне отдельных слов

К указанному типу «переключения кода» относятся отдельные английские ЛЕ и словосочетания, включаемые в речь на родном языке иммигрантов, или же, напротив, ЛЕ и словосочетания родного языка, включаемые в чужую английскую речь.

– Es la *first time* que hace la pizza...

[Méndez M.M. Peregrinos de Aztlán. Tucson, 1974. P. 36].

– ... andamos en los *fields*...

[Méndez M.M. Op. cit. P. 49].

– Tú te me largas esta misma noche – le dijo el *sheriff*, dándole a entender que el breve intercambio había llegado a su punto final.

[Villarreal J.A. Op. cit. P. 39].

– ... no seas tonta, yo me quedo y te ayudo a preparar los *sandwiches* y ensaladas. Eloisa todo lo que ruge es *hum*.

[Medina R. Fabián no se muere. New Mexico, 1978. P. 31].

– A mí me gusta mucho y me arrastra para espeliar desde del *fifth grade*.

[Medina R. Op. cit. P. 40].

Подобные «вкрапления», по наблюдениям Дж. Гамперца, как правило, не несут основной информации и выполняют скорее стилистическую функцию, будучи маркерами этнической принадлежности (ethnic identity markers) двуязычных коммуникантов [Vea: Gumperz J.J. Op. cit. Pp. 318 – 319]. Сюда относятся, по мнению ученого, также такие испанские слова в английской речи чиканос, как, например, *ándale, pues* ‘ладно, хорошо’, *dice* ‘он говорит’ и др.: “Well, I’m glad that I met you. O.K.?” – “*Ándale, pues*. And do come again, mmm?”...

В то же время в их испанской речи встречаются отдельные английские словосочетания наподобие *you know*, выполняющие главным образом функцию поддержания контакта (фатическую) и не несущие основной коммуникативной нагрузки: Pero como, *you know...la Estella* .... Тот факт, что указанные английские ЛЕ, согласно точке зрения Дж. Гамперца, не являются подлинными «переключениями кода», подтверждается, в частности, и их фонетической ассимиляцией. Так, англ. *know* в вышеприведенном примере произносится по-испански с монофтонгальным [o] [Vea: Gumperz J.J. Op. cit. Pp. 318 – 319].

Данные Дж. Гамперца согласуются с наблюдениями Дж. Сауэра над речевым поведением двуязычных мексиканцев в Сан-Антонио (штат Техас), в английской речи которых отдельные испанские «вкрапления», в том числе, и имена собственные, подвергаются «англизации», тогда, как те же слова в испанской речи, адресованной другим мексиканцам, сохраняют испанскую фонетическую форму. Так возникают фонетические дублиеты типа: Lorenzo (исп. [lorénso] и англ. [lour'ensou]), San Antonio (исп. [san antónjo] и англ. [sæn æn'touniə]), burro (исп. [búr:o] и англ. [bə'rou]), plaza (исп.

[plása] и англ. [pl'æzə]), corral (исп. [kor:ál] и англ. [k'ɔ:rəl]) [Vea: Sawyer J.B. Social Aspects of Bilingualism in San Antonio, Texas //Varieties of present day English. New York, 1973. P. 232].

С другой стороны, отдельные английские слова в испанском тексте также приобретают ассимилированную форму: *la troca* 'the truck' 'грузовик', *la suera* 'the sweater' 'свитер', *la craca* 'the cracker' 'крекер (вид печенья)', *el raite* 'the ride' 'поездка; езда', *el traque* 'the track' 'дорожка; трек' и другие, которые образовали соответственно следующие формы множественного числа: *las trocas*, *las sueras*, *las cracas*, *los raites*, *los traques*.

Подобный же способ ассимиляции наблюдаем при образовании производных от проанализированных «новых» существительных с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов: *troca* → *troquita* 'маленький грузовик, грузовичок', *suera* → *suerita* 'свитерок', *craca* → *craquita* 'маленький (детский) крекер', *raite* → *raitecito* 'поездочка', *traque* → *traquecito* 'тропиночка' по образцу нижеследующих существительных: *viaje* → *viajecito* 'небольшое путешествие', *padre* → *padrecito* 'папочка', *madre* → *madrecita* 'мамочка'.

Мексиканский философ Хосе Васконселос написал в 1925 году: "El fin de la historia... es lograr la fusión de los pueblos y las culturas". Мы живем в эпоху глобализации, когда ни один народ, ни одна культура не могут пребывать в изоляции и, соответственно, ни один язык не может не подвергаться воздействию со стороны других языков. Это в полной мере относится к испанскому языку на территории США

SOBRE LA CLASIFICACIÓN DE LOS DIALECTOS DE LAS LENGUAS ROMANO-ALEMANAS

Bajo el término *dialecto* (del griego, del verbo “hablar, explicarse”) comprendemos «variedad de tal o cual idioma, usada en calidad de un medio de comunicación entre personas, unidas por territorio, status social o profesión» [Diccionario lingüístico enciclopédico. M., 1990. P. 132]. El dialecto es parte de una formación idiomática más amplia (lengua nacional), está contrapuesto a otras partes de éste todo, a otros dialectos, y conserva con ellos algunos rasgos comunes. Tal contraposición perdura en el transcurso de toda la existencia del idioma, pero en diferentes etapas cambia la correlación entre ellas. En las etapas iniciales prevalece el dialecto; en nuestros días – el idioma literario [Vea: *Borodina M.A.* Lugar de la dialectología en el curso de la historia del idioma francés. Gorkiy, 1958, t. IX. Pp. 71 – 79].

Así como el idioma nacional, el dialecto tiene forma oral y escrita. Sin embargo, a diferencia de él, la escritura no es algo indispensable. Por ejemplo, de los dialectos del idioma francés, el que tiene una forma escrita más consecuente es el dialecto de Vallón, para el cual, ya a comienzos del siglo XX, fue elaborado un sistema de escritura [Vea: *Feller J.I.* Règles d’orthographe wallonne. Liège, 1905, 2me éd.]. “La escritura de los demás dialectos modernos del idioma francés se resume principalmente en apuntes de textos folclóricos – a veces en la ortografía normada, y con frecuencia – en transcripción” [*Borodina M.A.* Op. cit. P. 77].

A diferencia de los dialectos modernos que los dialectólogos franceses comúnmente denominan “patua” («patois»), la mayoría de los dialectos de la Edad Media tenía su escritura («scripta») y también su literatura, la que se diferenciaba según los temas y el carácter, en dependencia de las condiciones histórico-culturales de la vida del concreto territorio feudal [Vea: *Borodina M.A.* Sur la notion de dialecte (d’après les données des dialects français). Paris, 1961, t. 10, №2. Pp. 286 –289].

Tradicionalmente los dialectos se dividen en *territoriales* y *sociales*. Para definir el dialecto *territorial* como parte del todo (idioma) son substanciales las comprensiones de diferencia dialectal e isoglossa. En el idioma ruso pueden servir como ejemplos de diferencias dialectales los fenómenos de “ókaña”, “akaña”, diferenciación de los sonidos [ц] y [ч] y su no diferenciación (tsókañe), presencia del sonido [г] de la formación explosiva y del sonido [γ] de la formación fricativa de la forma del caso genitivo del número singular, por ejemplo, *у жене, у сестре* и *у жены, у сестры*, y etc. Las isoglossas de diferentes sistemas pueden aproximarse una a otra, formando haces. Con ayuda de haces se demarcan los territorios que se caracterizan por un sistema idiomático común, es decir, se demarcan dialectos *territoriales* [Vea: Idioma ruso. Enciclopedia. M., 1979. P. 70]. Según esto los lingüistas checos y slovacos destacan también tal formación idiomática, como el interdialecto. “Entre los intercontactos de representantes de diferentes dialectos se establece tal uso dialectal, en el cual se borran las diferencias entre los dialectos y se forma una estructura de orden superior. Esta estructura que funciona en una esfera más amplia, frecuentemente se denomina bajo el término “interdialecto”. Y más adelante: “el dialecto pasa a un escalón mucho más alto de su desarrollo, como resultado del cual, cambia su situación en la jerarquía de las estructuras territoriales del idioma nacional” [Ripka I. Lugar de dialectos en el conjunto de variedades del idioma nacional // Nuevo en la lingüística extranjera. M., 1988, t. XX. P. 256].

Bajo el término dialecto *social* se comprende la lengua de determinados grupos sociales. Tales idiomas se diferencian del idioma nacional sólo por el léxico. Por ejemplo, los idiomas profesionales de cazadores, pescadores; la jerga de grupo o corporativa, la de estudiantes, escolares, deportistas, soldados y otros principalmente de colectivos juveniles; los idiomas secretos, el argó de sujetos desclasados, negociantes, etc. Tales son también variantes de la lengua nacional, propias de determinados grupos

económicos, de casta y religiosos [Vea: Diccionario lingüístico enciclopédico. M., 1990. P. 33].

Entre los dialectos *territoriales* y *sociales* existen diferencias substanciales: en primer lugar, en el aspecto espacial el concepto del dialecto *social* es mucho más amplio que el concepto dialecto *territorial*; en segundo lugar, las particularidades del dialecto *territorial* tienen que ver toda la estructura del idioma, por eso ellas son parte de una formación idiomática más general. En cambio, las particularidades del dialecto *social* como regla abarcan sólo aspectos del léxico y de la fraseología [Vea: Idioma ruso. Enciclopedia. M., 1979. P. 70].

En el transcurso de la historia, debido a los cambios territoriales de uniones territoriales, tienen lugar la división, la unificación y la reagrupación de los dialectos. Los límites de los dialectos modernos pueden reflejar la existencia en el pasado de límites entre diferentes uniones territoriales: estados, tierras feudales, tribus. Así, por ejemplo, después de la caída del imperio romano y de la fragmentación del latín hablado, aparecieron los dialectos romanos, los cuales, en sus comienzos, tenían iguales posibilidades del desarrollo en las lenguas normadas y polifuncionales. Pero, debido a las causas de carácter político-económico, algunas tradiciones pudieron conservarse y llegar a ser lenguas nacionales, con status regional nacional (catalán, gallego, vasco), mientras que una gran cantidad de tradiciones escritas (tales, como la andaluz, la aragonesa, la leono-asturiana y la de Extremadura en España; la de Gascón, de Provanzal y muchas otras más en Francia) “se detuvieron” en el Tiempo Nuevo debido a la ausencia de la libertad político-económica de las regiones correspondientes. Al mismo tiempo las formas orales de los dialectos continuaban existiendo durante siglos, contaminándose con el idioma literario. Especialmente comenzaron a debilitarse las posiciones de los dialectos, empezando de los años 60 del siglo XX. Esto se debió al aceleramiento de los procesos de industrialización, urbanización, migración de la población y del desarrollo intenso de los medios de información. Sin embargo, la reacción a dichos procesos no hizo

esperar. La lucha por su autonomía de las regiones históricas que alcanzó su culminación en España, significa el inicio del paso de la «Europa de los estados a la Europa de las regiones», en la cual se concede a cada región la libertad de la solución de los problemas de carácter social, económico y político. En la lucha por la conservación nacional autóctona al idioma se le concede un lugar importantísimo debido a su gran significado simbólico y cultural [Vea: *Narúmov B.P.* Correlación de idiomas y dialectos en los países romanos desde el punto de vista de la sociolingüística // Aspectos funcionales y metódicos del estudio de idiomas extranjeros. M., 1993. Pp. 15 – 16].

En la lingüística de Rusia en lo concerniente al estudio de la dialectología como ciencia, un papel de primer orden corresponde a V.M. Zhirmunsky quien estudiaba dialectos (en primer lugar, *sociales*), basándose en materiales del idioma alemán.

En su libro “Dialectología del idioma alemán” V.M. Zhirmunsky analizó los dialectos del idioma alemán y constató que para los aspectos del idioma alemán son características diferencias significativas de carácter histórico-geográfico en las interrelaciones entre la norma nacional y los dialectos en sus variedades sociales. Como lo remarca el científico, los dialectos se han conservado más profundamente en el Sur, en particular, allí donde a esto coadyuvaba el aislamiento anterior del imperio germano: en Suiza, donde el tal denominado idioma suizo-alemán (*Schweizer Deutsch*) en sus variedades locales ciudadanas es la lengua hablada de todas las clases sociales, incluyendo las «formadas»; en Elzás, donde el dialecto local alemán se contraponen al idioma francés como estatal; en Austria, donde el semidialecto ciudadano de Viena a lo largo de mucho tiempo era norma que influía en los dialectos campesinos locales como fuerza unificadora; en grado significativo en Bavaria y Viurtemberg – ciudades que conservaban hasta la primera guerra mundial una significativa autonomía cultural en los dominios del imperio de Bismark [Vea: *Zhirmunsky V.M.* Dialectología alemana. M., 1956. Pp. 563

– 573]. Según la opinión de V.M. Zhirmunsky, tal situación indica que desde el punto de vista metodológico es necesario – al describir un dialecto – constantemente tener en cuenta su estratificación social y la existencia de las formas duplicadas concurrentes con diferentes coincidencias sociales y funcionales. «Sólo semejante descripción corresponderá a la realidad idiomática en sus reales condiciones socio-lingüísticas» [Zhirmunsky V.M. Lingüística general y germánica. L., 1976. P. 394].

La consiguiente elaboración del estudio regional de la germanística nacional (M.M. Gújman, M.N. Semeniuk, N.I. Filicheva y otros) está relacionada con la larga discusión sobre el fundamento territorial del idioma literario alemán y el estudio de su variación territorial. Ella se manifiesta como una importantísima propiedad ontológica en la etapa inicial de la formación del idioma literario común alemán (fines del siglo XV) en la existencia de variantes territoriales concurrentes e interrelacionadas del idioma literario: del Oriente Medio alemán, del Sur-Este, del Sur-Oeste del bajo alemán. La tesis de la investigación de C.I. Dubínin [Vea: *Dubinín S.I.* Especificidad areal de la variante territorial del Sur – Oeste del idioma alemán literario de la Edad Media avanzada: Thesis. M., 2002], en particular, está dedicada al análisis de la variante *territorial* del Sur-Oeste del idioma alemán literario.

A base de los materiales del idioma francés, N.A. Katagóshina ha analizado (en el plano de la diacronía) los procesos de la formación del idioma escrito literario francés (basándose en la contraposición de los antiguos dialectos franceses de los siglos XI y XII), llegando a la conclusión de que en el período citado existían dos grupos de dialectos principales: occidental y nororiental [Vea: *Katagóshina N.A.* De la correlación del idioma literario y dialectos en el francés hasta el siglo XIII: Thesis. M., 1955; *Ibid.* Procesos de la formación del idioma francés literario escrito // Cuestiones de la lingüística. M., 1956, t. V, № 2. Pp. 26 – 40]. El grupo occidental, de acuerdo

con el punto de vista de N.A. Katagóshina, unificaba los dialectos de Normandia, Noroccidentales, Suroccidentales y de Francis. El grupo oriental incluía los dialectos de Vallón, Lotaring y Burgundy. El dialecto de Picard ocupaba una posición intermedia, encerrando en sí características occidentales y orientales. Mucho más específico era la situación del dialecto de Shampang. N.A. Katagóshina remarca que «las divergencias entre los antiguos dialectos franceses se descubrían principalmente en el campo fonético (singular desarrollo de los mismos sonidos latinos), diferencias en el campo de la morfología eran más débiles: ellas consistían en el uso de una u otra variante de las formas comunes. Un grupo de fenómenos podía coincidir incluso en dialectos que entre sí guardaban las mayores diferencias. Así pues, las diferencias entre los antiguos dialectos franceses de los siglos XI y XII no llevaban un carácter de profundas divergencias en los eslabones básicos de la estructura del idioma, – lo más probable es que eran sólo cambios de forma de un entero común (del latín popular de Gallia)» [Katagóshina N.A. Procesos de la formación del idioma francés literario escrito // Cuestiones de la lingüística. M., 1956, t. V, №2. P. 31].

El dialecto de Lotaring (*territorial*) del idioma francés fue investigado por M.A. Borodiná (también en el plano diacrónico) en los límites de la geografía lingüística [Vea: Borodiná M.A. Dialecto de Lotaring del idioma francés (al problema del estudio linguacultural del dialecto): Thesis. L., 1962]. M.A. Borodiná estudió las particularidades fonéticas, gramaticales y léxicas del nombrado dialecto. En particular, en lo tocante a las características léxicas del dialecto de Lotaring, fueron hallados por M.A. Borodiná más de 100 zonas de lexemas: zonas «de arcaísmos», neologismos, lotaringuismos propiamente dichos, de variantes dialectales geográficas, de germarismos, etc. Por ejemplo, las zonas «de arcaísmos» en la mayoría de los casos están formadas por lexemas que en el pasado eran usadas en toda Francia, pero ahora se usan sólo o primordialmente en Lotaringuía. Así las palabras *braire*, *ersoir*, *coche*, *flairer*, *géline*, *jotte*, *chausse* eran

comunes en Francia hasta los siglos XVI-XVII, en el transcurso de los cuales ellas dejaron de tener uso nacional y fueron reemplazados por sus sinónimos correspondientes – *pleurer* – «llorar», *hier* – «ayer» (y *avant* – *hier* – «anteayer»), *cochon* – «chancha», *puer* – «tener mal holor», *poule* – «gallina», *chou* – «col», *bas* – «bajo; no alto». Como se ha indicado líneas arriba, en algunos casos se habla de los dialectismos autóctonos de Lotaring, incluyendo aquellas palabras que tienen que ver con las particularidades de la vida real y las tradiciones locales. En

los dialectismos autóctonos de Lotaring M.A.Borodina incluye: *kmot o pmot* (lit. *pomme* – «manzana»), *déproter* (lit. *dévêtir* – «desvestir»), *nunet* – término relacionado con el ritual local en la boda – «un cierre especial en el vestido de boda», *bavette* (lit. *moucheron* – «mosquitas; lenguaje popular – «muchachito»), *hoje* (lit. *glisser* – «resbalar»), *sugnon* – variante de la formación de palabras del antiguo Lotaring para saúco», *jotte* en el significado «col» (lit. *chou*), *mës* – «jardín, huerto (que colinda con la casa)» y otros.

I.I. Chélishева ha investigado los dialectos *territoriales* de Italia, «entre los que forman parte los dialectos románicos de la población de Italia y San Marino, a exclusión de aquellas provincias, el habla de las cuales se reconoce como idiomas verdaderos (el idioma de Friúl, el idioma de Ladín, el idioma de Sardina). Usan también dialectos de Italia en algunas zonas de los países colindantes con Italia (Suiza, Francia, Monaco). Parte de los emigrantes de procedencia italiana, residentes de los EE.UU, América Latina y Europa, también conserva dialectos en el habla común». Y más adelante: «a la parte de los dialectos *territoriales*, en Italia existían también variantes territorial-confesionales, – son hablas ebreo-italianas, entre las cuales poseían la mayor homogeneidad la ebreo-veneciana y la ebreo-romana» [*Chélishева I.I. Dialectos de Italia // Lenguas del mundo. Lenguas romances. M., 2001. Pp. 90 – 91*]. Según esto I.I. Chélishева distingue los siguientes tres grupos principales de los dialectos de Italia en el plano sincrónico:

1. «Dialectos de la Italia noroesteña (galo-italianos y de Venetia).
2. El dialecto de Toscana.
3. El grupo de dialectos del Sur (dialectos de la Italia central, los propiamente dichos dialectos del Sur, los dialectos del Extremo Sur)» [*Chélishcheva I.I.* Op. cit. P. 93].

Un profundo análisis de las clasificaciones, existentes en la romanística nacional y extranjera de las lenguas romances y sus dialectos, ha sido realizado por A.V. Shirókova («Del latino a las lenguas romances»). Sintetizando todas las clasificaciones, estudiadas por ella, y concordándolas con los datos de la fonología comparativo-histórica, A.V. Shirókova ha elaborado su propia clasificación de los dialectos de las lenguas romances. A base de esta clasificación están distribuidas las relaciones dialectales del latín popular [Remarcaremos que bajo el término “latín popular” se tiene un conjunto de formas populares del idioma latín que se contraponen al mismo idioma literario – el latín clásico. Vea en más detalle en cuanto a ésta cuestión los trabajos de A.V. Shirókova (1995, 2002), M.S. Guricheva (1969), I.G. Shenguelia (1962), A.N. Ánninkova, M.G. Lopátina (1975), N.G. Korletianu (1977) y otros], reflejadas en las lenguas romances. Seguidamente damos esta clasificación:

I. «Dialectos de la Romanía central:

1. Sureños (reflejados en los dialectos del Sur italiano de Apulia, del Sur de Campaña, de Basilicata, de Calabria, de Sardinia; en las hablas de Campidano en Sardinia. En los dialectos de Galluriisk, de Sassariisk, de Oltremontansk del Sur, de Oltremontansk del Norte, en Córcega y Sardinia; en las hablas de Logudorsk y Nuoriisk de la lengua de Sardinia).
2. El habla itálica central (reflejada en los dialectos italianos de Campaña del Norte, Abrutsio, Latsio, Umbría, Marca; en el habla de Toscana; en las hablas chismontanas del Norte y Centro de Córcega).

3. El habla de Galia Tsizalpina (Tsispadana y Transpadana) – reflejada en parte en el habla de Pizzano-Lukck y de Toscano, pero principalmente en los dialectos de Italia del Norte, a saber: de Emilia y Romanía, Lombardia oriental y occidental, de Liguria, de Piemont (y Venecia), en las hablas norteñas de Italia, de Venecia y en los hablas friulianas del idioma retoromano.
  4. El latín de Retišk (reflejado en los principales dialectos del idioma retoromano, a saber: de Alta Selva, de Baja Selva, de Munster, de Alto Engadín, de Bajo Engadín, de Trientinsk).
  5. El latín dalmático (reflejado en los dialectos muertos, tales como: el Viejo Istrorománico, el Velliotte, en las hablas romanas desaparecidas de Fiume-Rieki y Raguza-Dubrónnik).
- II. Dialectos de la periferia románica, unidos genéticamente a los dialectos del Sur itálico:
1. El dialecto arcaico de España, reflejado en parte en algunas hablas en los Pirineos occidentales y préstamos en el idioma vasco.
  2. El latín africano (reflejado en préstamos del idioma retoromano en el idioma bebérico).
  3. El latín dacomiciano (balcano), reflejado en los idiomas románicos orientales:
    - a) subgrupo del Norte: rumano, moldavo, istrorumano;
    - b) subgrupo del Sur: arumano (con él de Farsherotte), megleno-rumano.
- III. Dialectos de la periferia románica, genéticamente unidos a las hablas centrales románicas, tsizalpina y de Retišk:
1. El latín de Galia del Norte (reflejado en el idioma francés y en el habla franco-provenzal).

2. Dialectos latinos occidentales que conformaron dos grupos:

A) Pirineo-harbónico, reflejado en: a) el idioma oxitano y b) el idioma catalán.

B) Hispano-lusitano, reflejado en: a) hablas del idioma español, b) los idiomas portugués y gallego» [*Shirókova A.V. Del latín a las lenguas romances. M., 1995. Pp. 33 – 35*].

Para nosotros es muy importante la afirmación de A.V. Shirókova de que «la más antigua de las provincias periféricas románicas colonizadas es España. Aquí, las diferencias dialectales del latín popular están reflejadas tanto entre los dialectos (por ejemplo, el carácter de la diptonguización en el aragonés y castellano, particularidades arcaicas “sureñas” de las hablas aisladas de los Pirineos, así como en diferencias entre los mismos idiomas oficiales (la ausencia de la diptonguización en el idioma portugués, el carácter particular de diptongos en los idiomas gallego y catalán, etc.)» [*Shirókova A.V. Op. cit. P. 271*].

En la anglisística nacional y extranjera están estudiadas ampliamente diferentes variantes nacionales del idioma inglés. De ellas, las más estudiadas son: la británica (V.N. Yártseva, A.I. Smirnitsky, G.P. Torsúev, T.I. Shevchenko, V.A. Vasíliev; Dsh. A. Shajbágova; R. Brown; D. Crystal, D. Davy; M.A.K. Halliday; J.D. O'Connor y otros más), la americana (A.D. Shvéitser, Dsh. A. Shajbágova, E.N. Filípov, M.P. Tarasévich, M.N. Lapshiná, T.K. Sidorenko, T.L. Karaváeva; A.M. Espinosa; F. Peñalosa, R. Sánchez, C. Silva-Corvalán, J.D. O'Connor, L.J. Gerstman, A.M. Lieberman, P.C. Delattre, F.S. Cooper, T. Gay; C.K. Thomas; G.L. Brook; J. Clifford, H. Prator y otros), la australiana (G.A. Orlov, Dsh. A. Shajbágova, L.F. Yegórova), así como también la canadiense (Dsh. A. Shajbágova, N.N. Bijovéts, L.G. Popova, V.A. Filátov) y la de Nueva Zelanda (L.V. Túrchenko).

En la anglisística nacional el estudio de los problemas de la dialectología del idioma inglés moderno se halla prácticamente

en su etapa inicial. Quisiéramos remarcar, en primer lugar, el trabajo de Dsh. A. Shajbágoval «Particularidades fonéticas de las variantes de pronunciación del idioma inglés», en el cual la autora estudiaba las particularidades de la pronunciación en las variantes americana, australiana y canadiense, comparándolas con la británica según los tres componentes básicos de la estructura fonética del idioma inglés: composición auditiva, estructura de la acentuación de palabras (acento de palabras) y la entonación. Dsh. A. Shajbágoval en el trabajo, nombrado líneas arriba, también destaca dialectos locales (regionales), antes que todo, en el idioma inglés moderno de Gran Bretaña, en los cuales ella incluye, en primer lugar, hablas de las capas sociales menos educadas (más bajas). Sin embargo, a la par recuerda que «dialectos pueden ser identificados con determinados territorios» [*Shajbágoval Dsh. A. Peculiaridades fonéticas de variantes articulatorias del idioma inglés. M., 1982. Pp. 8 – 9*].

Es imposible tratar de analizar todo el material concerniente a la dialectología de diferentes idiomas nacionales y extranjeros en un solo trabajo. Por eso en nuestra investigación nos limitaremos a examinar los estudios existentes sobre los dialectos del idioma español como uno de los más difundidos idiomas del mundo, en la hispanística nacional y extranjera.

En los trabajos de los hispanistas nacionales, siguiendo a G.V. Stepánov, se determina el status sociolingüístico del idioma español en los países latinoamericanos como «variante nacional» del idioma español (V.S. Vinográfov, N.M. Fírsova, Yu.L. Obolénskaya, N.F. Mijéeva, T.V. Pisánova, A.V. Siniávsky, O.S. Chesnokova y otros). Nos unimos completamente al punto de vista de G.V. Stepánov quien escribía que «es un error metodológico y por cuanto las situaciones tienen lugar entre los límites de los estados, resulta un error político y falta de tacto combinar estructuras jerárquicas, poniendo en una escala estratificativa, según criterios históricos, sólo lingüísticos u otros, variantes territoriales que intervienen en diferentes situaciones, calificando así el idioma

portugués de Brasil como dialecto del idioma portugués de Portugal,... el francés del Canadá como dialecto del francés de Francia y el español de Argentina como dialecto del español europeo y al revés» [Stepánov G.V. Tipología del estado y situaciones de la lengua en los países del habla romance. M., 1976. P. 59]. Las variantes nacionales del español tienen sus propios dialectos.

En la actualidad en la hispanística nacional se continúan desarrollando las ideas de G.V. Stepánov. Así pues, se ha empezado la detallización de la tipología de las variedades del idioma español, en primer lugar, sus variantes nacionales [Vea: Vinogradov V.S. Lexicología del idioma español. M., 1994. Pp. 69 – 73; *Ibid.* Introducción a la teoría de la traducción. M., 2001; Fírsova N.M. Algunos problemas de la tipología de la variedad de la lengua española // Idiomas extranjeros en el aspecto de la linguapragmática. M., 1991. Pp. 11 – 12; *Ibid.* Variedad de la lengua y especificidad nacional-cultural de la comunicación verbal en el idioma español. M., 2002; Mijéeva N.F. Idioma español en el territorio del Sur – Oeste de los EE.UU. M., 2002; *Ibid.* Idioma español y comunicación intercultural. M., 2003]. V.S. Vinogradov menciona que «la forma global de la existencia del idioma español es la forma española internacional, después la siguen las formas o variantes nacionales (por ejemplo, la variante mexicana del idioma español, la cubana, la peruana, la pirenaica, etc.). Al final de cuentas, prácticamente cada una de estas variantes tiene sus dialectos y hablas. Dicho sea de paso que en América Latina las zonas dialectales de un mismo tipo son capaces de abarcar partes de diferentes territorios nacionales, es decir, un total dialecto territorial puede ser usado en dos o más estados vecinos» [Vinogradov V.S. Lexicología del idioma español. M., 1994. P. 70] [En cuanto a esta cuestión vea también: García Mouton P. Lenguas y dialectos de España. Madrid, 1999; Zamora Vicente A. Dialectología española. Madrid, 1985; García de Diego V. Manual de dialectología española. Madrid, 1959].

El la hispanística nacional recién se está empezando a estudiar en forma especial algunos dialectos. Así, A.Yu. Pápchenko ha analizado las particularidades del dialecto andaluz, en calidad del subsistema especial, formando parte de la variante nacional pirenaica del idioma español; ha determinado su lugar, valor funcional y social en la situación lingüística de España contemporánea. Según la científica, el dialecto andaluz, formado en el proceso de diferenciación del idioma castellano en los siglos XIII – XV, en las tierras, reconquistadas por tropas cristianas de los árabes; el dialecto andaluz en la etapa de su desarrollo actual muestra sus diferencias principales de las normas del idioma codificado literario, antes que todo, en el campo de la fonética y fonología.

Como es nocido, los alcances de la difusión, ante todo, de dos fenómenos fonéticos: seseo / ceceo sirven de base para trazar la frontera del dialecto andaluz. A.Yu. Pápchenko relaciona también esto con el cambio en el sistema del vocalismo en la parte oriental de la provincia y así demarca la variedad oriental y occidental del dialecto andaluz. Según la opinión de la citada científica, su esencia consiste en la aparición de diferencias de las características de timbre (apertura / cerradura) de las vocales (en el idioma español codificado no existen diferencias de las vocales según timbre), en la función de los diferenciadores del Singular y Plural) por la oposición de cerradura (indicador del Singular) / apertura (indicador del Plural) de la última vocal: [kápa] capa ‘плащ, накидка’ / [kápa] capas ‘плащи, накидки’. A éstas dos ella también agrega uno más, el propiamente dicho rasgo andaluz – aspiración de las consonantes /p/, /t/, /k/ y la articulación especial fricativa del sonido [tʃ] [Vea: Pápchenko A. Ju. Aspectos socio-lingüísticos del estudio del dialecto andaluz: Tesis. M., 2002. Pp. 3 – 5]. El citado lingüista, en su tesis de investigación, también estudia la influencia del dialecto andaluz en el funcionamiento del idioma español fuera de Andalucía.

En el presente trabajo analizamos detalladamente las peculiaridades nacional-culturales del funcionamiento de las unidades

fonéticas, léxicas y gramaticales en *el dialecto territorial mexicano del idioma español fuera de México*.

Haremos un breve análisis de los enfoques existentes sobre la descripción de clasificaciones de los dialectos del idioma español en la hispanística extranjera.

Tiene lugar una pequeña cantidad de descripciones de dialectos del idioma español en algunos países de habla hispana, a nivel de sus variantes nacionales. Los más estudiados, a nuestro punto de vista, son tales países, como: México, (P. Henríquez Ureña, J.M. Lope Blanch, J.R. Craddock, M. Hidalgo), Colombia (L. Cuervo, L. Flores, J. Montes Giraldo) y algunos otros.

Por ejemplo, P. Henríquez Ureña, seguido por G.C. Barker, diferencian cinco zonas dialectales en México que se caracterizan por disparidades fonológicas y léxicas. El “estándart nacional”, según ellos, se basa en el habla de los habitantes de Méjico y de las regiones centrales montañosas que lo rodean. Otras zonas son: la norteña, la sureña (Morelos, Guerrero, Oaxaca), costeña (Tamaulipas, Veracruz, Tabasco, Campeche) y, finalmente, el relativamente aislado territorio de la península de Yucatán [Vea: *Henríquez Ureña P.* El español en Méjico, los Estados Unidos y la América Central. Buenos Aires, 1938; *Barker G.C.* Social Functions of Language in a Mexican American Community. Tucson, 1972]. Según esto, G.C. Barker concluye, diciendo que en los EE.UU las más grandes diferencias son las divergencias entre el verdadero español mexicano colonial del estado de Nuevo México y el español de los emigrantes que han llegado más tarde, principalmente del Centro y del Norte de México [Vea: *Barker G.C.* Op. cit. P. 26]. J.R. Craddock también se aúne a él, afirmando que probablemente en esto consiste el paso del español mexicano-norteño al español norteño-americano [Vea: *Craddock J.R.* Spanish in North America // Current Trends in Linguistics. The Hague, 1973, vol. 10. P. 477].

J.M. Lope Blanch, basándose en la distribución geográfica de 25 lexemas, destaca en México 17 zonas dialectales. Según esto, este conocido filólogo mexicano estudia la península de Yucatán

como una zona dialectal independiente [Vea: *Lope Blanch J.M.* El léxico de la zona maya en el marco de la dialectología mexicana // Investigaciones. México, 1979. Pp. 59 – 132]. Esta última hipótesis encuentra su apoyo en el consiguiente estudio, hecho por él, de la variabilidad fonética en el estado de Yucatán [Vea: *Lope Blanch J.M.* Un caso de posible influencia maya en el español mexicano // Investigaciones. México, 1979. Pp. 41 – 53], así como también en los estados mexicanos de Campeche, Quintana Roo, Tabasco y Veracruz [Vea: *Lope Blanch J.M.* Algunos casos de polimorfismo fonético en México // Investigaciones. México, 1979. Pp. 17 – 33].

En el primer trabajo J.M. Lope Blanch analiza la articulación saalveolar de un sonido /r/ o muchos sonidos vibrantes /rr/. La predorsal variante saalveolar de la [τ] que no existe en el sistema fonológico del idioma español, tiene uso común en la península de Yucatán, más su frecuencia baja según el alejamiento de la región del adstrato maya hasta su completa desaparición. Basándose en lo dicho líneas arriba, el lingüista mexicano llega a la conclusión de la posible influencia de la lengua maya en el idioma español del estado de Yucatán [Vea: *Lope Blanch J.M.* Un caso de posible influencia maya en el español mexicano // Investigaciones. México, 1979. Pp. 52 – 52].

En su obra “Algunos casos de polimorfismo fonético en México” J.M. Lope Blanch describe la realización de 4 fonemas: /f/, /č/, /r/ en la posición final y el fonema /y/ en las regiones urbanas y campesinas de los estados de Yucatán, Campeche, Quintana Roo, Tabasco y Veracruz. Los resultados de esta investigación no sólo confirman la ya anotada situación de la península de Yucatán, sino también determinan el status del estado de Tabasco en calidad de una zona dialectal en transición. La más estable en cuanto a la pronunciación de los 4 fonemas descritos ha sido considerada la capital del estado de Tabasco, la ciudad Villahermosa. Según esto J.M. Lope Blanch anotó que cuanto más alto es el nivel de desarrollo y educación de los portadores del idioma (fueron encuestadas 44 personas), tanto mayor es

la estabilidad fonético-fonológica del sistema. Según su opinión, el estado de Veracruz resulta ser una zona dialectal separada [Vea: *Lope Blanch J.M.* Algunos casos de polimorfismo fonético en México // Investigaciones. México, 1979. P. 27].

Otras zonas dialectales en México, de acuerdo al conocido científico americano M. Hidalgo, son: la región del Norte de México – un amplio territorio, dividido en 4 subregiones; la región de la Meseta sureña, la cual incluye la capital de México y tales ciudades, como Puebla, Cuernávaca y Querretero [Vea: *Hidalgo M.* Español mexicano y español chicano: problemas y propuestas fundamentales // Language Problems and Language Planning. Texas, 1987, vol. 11, №2. P. 172].

Es interesante el hecho de que en las actuales investigaciones de las particularidades del idioma español en el territorio del Sur-Oeste de los EE.UU (G.C. Barker, Y. Ornshtein – Galicia, F. Peñalosa, R. Sánchez, C. Silva-Corvalán) se remarcan sus características de habla popular. Por esto el trabajo colectivo de varios autores (uno de ellos es J.M. Lope Blanch) [El habla popular de la ciudad de México 1976], en el cual, basándose en los datos, obtenidos como resultado de una encuesta, llevada a cabo, se analiza el uso de las unidades morfológicas y léxicas en el habla de los artesanos, nacidos en las provincias, pero que viven en las ciudades, a cierto grado puede servir de base para el estudio comparativo de ambas variedades del idioma español .

El conocido lingüista colombiano J. Montes Giraldo diferencia 2 superdialectos en la variante nacional colombiana del idioma español: el costeño (A) – el continental (B), tomando como base la pronunciación del fonema /s/ en calidad del explosivo en la posición después de las vocales, así como la presencia/ ausencia de la neutralización de /r/, /l/, /n/ - al final de la sílaba y de la palabra [Vea: *Montes Giraldo J.* El español de Colombia. Propuesta de clasificación dialectal // Boletín del Instituto Caro y Cuervo. Bogotá, 1982, t. XXXVII. Pp. 23 – 92].

A nuestro modo de ver, la cuestión del estudio de los dialectos (incluyendo el español) exige la continuación de investigaciones concretas. Por ello motiva gran interés la elaboración de la tipología de las clasificaciones de los dialectos del español y de otros idiomas, con su consiguiente comparación.

SOBRE EL ESTUDIO DE LOS DIALECTOS DEL IDIOMA ESPAÑOL MODERNO

Según lo afirma el conocido lingüista americano J. Moulton, existen «tres grandes laboratorios lingüísticos», a saber: 1) investigaciones diacrónicas, es decir, el estudio de la historia de los idiomas con ayuda de la literatura; 2) investigaciones sincrónicas o sea el estudio de los idiomas vivientes, su comparación y elaboración de los universales; 3) investigaciones dialectológicas, las que al parecer encierran en sí el estudio del idioma en tres dimensiones: en el tiempo, en el espacio y en el nivel» [Vea: *Moulton W.G. Structural Dialectology // Language*, 1968, V. 44, №3. Pp. 450 – 465]. La dialectología nos permite obtener una gran gama de datos, de informes importantes para la construcción de universales. Así también nos da la posibilidad de comprender los procesos que han tenido lugar en la historia del idioma.

Remarcaremos que, tradicionalmente, en la dialectología se distinguen tres etapas de su desarrollo: en la primera etapa (precientífica) la dialectología toma su inicio en la etnografía, donde el idioma se examina junto con otras manifestaciones de la vida material y espiritual del pueblo (folklore, arte, etc.).

En la segunda parte de su desarrollo la dialectología deja de ser parte de la etnografía y llega a ser parte independiente de la lingüística, en la cual se da una relación de determinadas características (en primer lugar, fonéticas y morfológicas). Sobre la base de dichas características se lleva a cabo la clasificación de adverbios y hablas. Estas dos etapas caracterizan en oposición al idioma literario.

La tercera etapa está relacionada con la idea tocante al dialecto sobre el carácter sistemático del idioma. Tal idea puede tener diferentes formas y grados de realización en las escuelas nacionales dialectológicas. Aparte remarcaremos que en la dialectología lo fundamental es la comprensión del «indicio (rasgo) dialectal, particularidad dialectal y desarrollo dialectal» (y conside-

rando la colocación del citado rasgo en el mapa geográfico – «la isoglossa»).

Desde el momento de la aparición de la dialectología bajo el término «rasgo dialectal» se tienen en cuenta sólo aquellas particularidades que diferencian el idioma de la población campesina con el idioma de los estratos ya constituídos. El término «rasgo dialectal» partiendo desde el punto de vista de que el dialecto es un sistema idiomático, tiene igualdad de derechos por sus particularidades lingüísticas (más no por las sociales – funcionales) con el idioma literario y adquiere un nuevo contenido incluyendo en sí no sólo las diferencias, sino también lo común que hay entre el dialecto y el idioma literario.

Ya en los primeros trabajos sobre la dialectología, en particular de los dialectos alemanes en el territorio de la URSS, V.M. Shirmúnsky diferenciaba rasgos primarios y secundarios de los dialectos, las diferencias entre los cuales salen a la luz durante el movimiento dialectal. La delimitación de los rasgos citados ha llegado a tener aceptación común y se usa en la investigación de las interferencias idiomáticas y dialectales, de los procesos de la formación de los semidialectos y de la lengua hablada, así como de otros estratos intermedios idiomáticos (compare los trabajos de G.V. Stepánov, A.I. Domáshnev, A.D. Shvéitser, M.A. Borodiná y otros).

Diferenciándose entre sí, los dialectos al mismo tiempo forman variadas agrupaciones dialectales, las que abarcan territorios colindantes. Eso significa que diferentes dialectos pueden tener rasgos comunes, según los cuales ellos forman parte de las agrupaciones dialectales y rasgos particulares que los diferencian unos de otros.

Como lo remarca G.G. Gak, «es imposible llevar a cabo demarcaciones exactas entre los dialectos, ya que los límites de diferentes particularidades idiomáticas no coinciden». Más adelante, basándose en primer lugar en las diferencias fonéticas en el idioma moderno francés, él clasifica los siguientes grupos de dialectos: “Propiamente franceses y los franco-provanzales.

Los últimos ocupan un lugar intermedio entre los franceses y provanzales. La zona de estos dialectos abarca un territorio bastante vasto en el Este de Francia, las hablas de Suiza y los valles de Aosta. .... Correspondientemente, los dialectos franceses norteños se dividen en los siguientes grupos: a) francisky: dialecto Il – de – Fransá, fundamento histórico del idioma francés moderno; b) norteños: normandos, picarsinos, vallonsky (en Bélgica); ellos se han conservado en gran medida; c) occidentales: anshuisly, mensky, galó (en Bretán); d) sur - occidentales: puatévinsky, centoshsky, angulemsky; e) dialectos centrales de Turení, Berri; f) sur – orientales: burgundsky, franshkonté; g) orientales: lotarinsky, shampansky. A veces agrupan los dialectos de otro modo: incluyen los bajo – normandos en el grupo de los occidentales; unifican los sur-orientales con los orientales y denominan los centrales como hablas Il – de Fransá en Shampán” [Gak V.G. Introducción a la filología francesa. M., 1986. Pp. 120 – 121].

Al dirigirnos a las cuestiones de la dialectología española, en primer lugar, es necesario hacer incapié sobre la unidad del idioma español. La unidad del idioma español no significa la igualdad de los sistemas fonético, morfológico, sintáctico, léxico y de formación de palabras de todos sus hablantes nativos. Al contrario, el habla oral y escrita del español varía constantemente: existen diferentes sistemas de formas morfológicas y construcciones sintácticas así como divergencias sustanciales en el contenido del vocabulario.

Si tales diferencias tienen lugar en los nativos del habla española de diferentes territorios, entonces se puede decir que en dichos territorios existen dialectos locales, los que se diferencian unos de otros por determinadas particularidades idiomáticas.

En este sentido es interesante el ejemplo del funcionamiento del dialecto del estado mexicano de Tabasco.

Por ejemplo, aquí podemos destacar las siguientes particularidades a nivel fonético: a) la reducción a completa desaparición de las vocales átonas al final de la palabra: grupo

[grúp((o))], juguetes [xugét(e)h], bufanda [bufánd(a)]; b) la desaparición de [s] y [z] al final de las palabras: vamo – vamos; compra – compramos; c) la elipsis de la última [s] al final de la sílaba, más exactamente – el sonido [s] se transforma en un sonido específico, parecido a la [x] (con el suspiro) [expléndido] – espléndido; [Tabáxco] – Tabasco; d) la elipsis de la [r] y [n] al final de las palabras. Lo más notorio es la ausencia de la [r] en la forma infinitiva del verbo: canta – cantar; e) la presencia del sonido específico [f]: bush [buf], xix – shish [fif].

Ahora analizaremos particularidades léxicas del idioma español del estado mexicano de Tabasco.

Como es sabido, las palabras y fraseologismos propios de un dialecto local se denominan dialectismos léxicos. Ellos tienen sus variedades. En primer lugar, se destacan los dialectismos léxicos propiamente dichos, los que actúan en calidad de sinónimos del idioma literario. En segundo lugar, los denominados dialectismos etnográficos, los que son denominaciones de tales objetos y fenómenos específicos que son característicos sólo para las zonas de divulgación del dialecto. En tercer lugar, los dialectismos semánticos (significados dialectales de las palabras de uso común), son considerados una variedad más de los dialectismos léxicos. Tomando como ejemplo el funcionamiento de los lexemas en el dialecto mexicano del estado de Tabasco, demostremos las variedades de los dialectismos léxicos enumerados líneas arriba.

Así pues, podemos adherir a los dialectismos léxicos los siguientes: napear (Tabasco, México) – robar (España); cacarizo (Tabasco, México) – el viruelas (España).

Podemos agregar a los dialectismos etnográficos del estado de Tabasco mash – pimiento silvestre de pequeños tamaños; chaya – hierba que se utiliza en la comida; chichimbacal – pequeña ave nocturna que tiene plumaje verde-oscuro y pecho amarillo; chuchumo – chichón y otros.

Son dialectismos semánticos en el idioma español del estado mexicano de Tabasco: devanar – mancharse (Tabasco,

México); morirse de risa (México); enrollar (hilos) (España); camelar – espiar, acechar (Tabasco, México); enamorar, encantar (España) y otros.

En dicha región tienen lugar también transformaciones en el funcionamiento de las unidades gramaticales, aunque tales transformaciones, como regla, tienen lugar en la mayoría de otros países latinoamericanos: por ejemplo, el empleo del verbo auxiliar andar en calidad de sinónimo del verbo auxiliar estar en la construcción descriptiva «andar + gerundio»; la ampliación de la esfera del empleo del verbo estar en lugar del verbo auxiliar ser, antes que todo en las construcciones verbales ser/estar +adjetivo, la utilización del Plural de los verbos impersonales.

Sin embargo, en el estado de Tabasco existen particularidades propias: en la segunda persona del Pretérito Indicativo se usa el morfema –stes en lugar del morfema normativo –ste: trajistes – trajiste, vivistes – viviste, dijistes – dijiste, distes – diste; aquí, algunos sustantivos son femeninos, mientras que en la capital y en otras regiones ellos son masculinos: la color; la sartén/la sartena; ciertos sustantivos femeninos cambian su vocal final e por a; la troje – la troja; la chinche – la chinchá [Vea: *Smirnova I.V. El idioma español en el territorio del estado mexicano de Tabasco: Tesis. M., 2006*].

Nos detendremos más detalladamente en la historia del estudio del idioma español de América Central, la cual se puede dividir en dos etapas: La 1ra etapa data desde los fines del siglo XIX. Así, como en otras partes del Nuevo Mundo, las primeras descripciones de las particularidades del habla oral de los pobladores de los países de América Central «se basaban» en las tradiciones prohispanas, según las cuales era necesario unir todos los esfuerzos para que las variedades del idioma español de América no se destacaran como idiomas independientes, como sucedió con el latín. He aquí el motivo de la preocupación por «la limpieza» del idioma. Naturalmente que entonces no existían los términos «dialecto», ni «variante». Es más, las «variantes» eran

calificadas como «barbarismos», «provincialismos», o simplemente «defectos». Entre los primeros autores de tal época podemos mencionar a C. Gagini en Costa Rica, M. Barrero en Nicaragua, A. Bagres en Guatemala, A. Membreño en Honduras y S. Salazar García en El Salvador.

La segunda etapa empieza en la segunda mitad del siglo XX, cuando empezó a observarse un avance en los aspectos teóricos y conceptuales de los científicos lingüistas y comenzaron a desarrollarse la dialectología, la lingüística descriptiva y, más tarde, la sociolingüística y la gramática transformativa. En este caso es de necesidad resaltar los trabajos de C. Léntsner, R. Predmore y D.L. Canfield en El Salvador; J. Lacayo en Nicaragua; M. Cantillano Vines en Costa Rica y S. Robé en Panamá.

Es posible destacar una tercera tendencia en el desarrollo de los estudios lingüísticos en América Central. Esto concierne antes que todo al campo del léxico, al análisis de la influencia que sobre el idioma ejerce «el sustrato nativo» y el papel sobreexagerado de este último. Encontramos ejemplos de esta tendencia en los trabajos de J. Fernández Ferraza en Costa Rica; S. Barberén y P. Geoffroy en El Salvador y S. Mántica en Nicaragua.

Veamos las particularidades del idioma español en América Central.

El vocalismo. Como en otras regiones hispanohablantes, el «español centroamericano», en particular en los pueblos, se caracteriza por la inestabilidad de las vocales átonas del levante medio y alto: *dispertar*, *sepoltura*, *escrebir*, *dicir*, *menistro*, *fechuría*.

Con relación a las vocales finales, en El Salvador y Costa Rica se observan ciertos casos de su ensordecimiento: *noch*, *puent*. En las regiones campesinas de la parte central de Costa Rica, las finales [e, o] se realizan como [i, u]: *deme esto* → *demi estu*, *palo* → *palu*, *parque* → *parqui*. De otro lado, en Panamá, Costa Rica y El Salvador tiene lugar la nazalización de la vocal, que precede a la consonante nasal [n]: [*’entrã*, *bas’to*] *entran*, *bastón*.

En lo que tiene que ver con la transformatórica, existe una tendencia general de «exclusión» de lo que sucede gracias a

los procesos de cambio de la acentuación básica: la diptonguización y las epéntesis. La diptonguización (partear – patiar, peor → pior, cohete → cuete) está difundida en todo el territorio de América Central. La epéntesis tiene lugar cuando el acento cae en la primera vocal: en este caso entre dos vocales se agrega el sonido semivocal [j]: batea → [ba'teja], sandía → [san'dija].

El consonantismo. Aquí se observan los siguientes fenómenos: a) vocalización [per'feito] perfecto, [di'reito] directo, [t'aisi] taxi, [k'ausula] cápsula. Dicho fenómeno tiene lugar principalmente en los pueblos.

b) alteración [asek'tar] aceptar, [akso'luto] absoluto, [kon'sekto] concepto, (e hipercorrecciones como [in'septo] insecto, [op'tubre] octubre, [ri'dmo] ritmo, [e'dniko] étnico, [i'jno] himno).

c) elipsis [es'traño] extraño, [espo'ner] exponer, [kon'seto] concepto.

Remarcaremos el hecho que la alteración y la elipsis están presentes en todos los estratos sociales de América Central.

Uno de los rasgos característicos del «español centroamericano» desde nuestro punto de vista es el paradigma de las formas de tratamiento.

Por un lado aquí, como en otros países hispanohablantes, es común la realización de la forma usted con los significados «distancia», «respeto» a «cortesía». Por otro lado, para representar la solidaridad, el afecto o la familiaridad, se usan las formas pronominales de tratamiento vos y tú.

Los límites del uso del voseo se difunden desde Guatemala hasta la parte oriental de Panamá (en la zona limítrofe con Costa Rica). Según esto, son usuales las formas verbales - ás, - és, - ís: vos tomás, vos comés, vos partís. Pero en Panamá funcionan vos tomáis, vos coméis. El paradigma del voseo también abarca el Subjuntivo: que vos toméis, comáis, durmáis; que vos hayáis tomado, etc. En Guatemala y El Salvador el pronombre vos se usa con el significado de expresión ¡qué bueno vos!

La forma tú es usada prácticamente en todo el territorio de Panamá, aunque en el Este del país (en la frontera con Costa Rica)

funcionan tú y vos. Aparte de eso, en Guatemala y El Salvador es común la realización de la forma tú para enfatizar la «solidaridad» y no la «familiaridad» (como en Costa Rica). Haremos hincapié aparte, de que en Costa Rica, durante los últimos años se nota la tendencia del uso de tú en reemplazo de vos.

Son interesantes las observaciones que A. Graslia y M. Quilis (1995) hacen sobre la realización de las formas de tratamiento en el Este de Panamá, donde los padres tratan a los hijos de vos o de tú. Los últimos les contestan de usted: los conyugues se tratan entre sí de usted a de vos; los familiares cercanos usan las tres formas de tratamiento.

El uso de la forma usted en el significado de solidaridad es conocido en Costa Rica y en las zonas campesinas de Panamá, cuando tratan a los hermanos, hermanas, hijos, amigos y conocidos.

El uso de las formas átonas de los pronombres personales «sigue» al «estándart» pirenaico: la vió, le dijo, lo miraron. Sin embargo, en dicha área en el Acusativo funciona esporádicamente la forma le, por ejemplo, durante el trato al cliente en la oficina o por teléfono: ¿ya le atienden?, le llamamos después, etc. El «leísmo» también se realiza en las oraciones con se: se le nota, se le vino, me le fuí. En América Central se nota una tendencia común hacia la concordancia del Acusativo (lo|la) con el Dativo en el número Plural (les): les dió la carta a los muchachos – él se la dió.

Sin lugar a dudas es de necesidad llevar a cabo consiguientes investigaciones en el campo del estudio de los dialectos del idioma español moderno, incluyendo los países de América Central.

**PECULIARIDADES DEL FUNCIONAMIENTO DE
LA LENGUA ESPAÑOLA EN EL TERRITORIO DE
LOS ESTADOS UNIDOS DE AMÉRICA EN EL ASPECTO
DE LA COMUNICACIÓN INTERCULTURAL**

La intensiva integración de Rusia a la cultura mundial, el fortalecimiento de sus contactos internacionales, así como la ampliación de contactos entre representantes de diferentes lenguas nacionales y grupos sociales son rasgos característicos de la vida contemporánea. Con relación a esto, la sociedad ha determinado un nuevo pedido social referente a la enseñanza de idiomas extranjeros, la cual debe en adelante ser dirigida a la interacción comunicativa e intercultural de los estudiantes.

En el presente trabajo se analizan las particularidades nacional-culturales del funcionamiento de las unidades lingüísticas (UL) en el idioma español del Suroeste de los Estados Unidos, donde ha tenido lugar la práctica de la autora.

Como es conocido, en una serie de Estados norteamericanos (California, Arizona, Colorado, Nuevo México, Texas) tienen lugar constantes contactos verbales y no verbales entre los anglo e hispanohablantes.

El material analizado muestra que en la realización de los medios fonéticos, léxicos y gramaticales en los Estados norteamericanos, indicados líneas arriba, se observan transformaciones estructurales gracias a la interferencia por parte del idioma inglés.

Primero vamos a analizar cambios fonéticos en el idioma español del área nombrada. Por ejemplo, en el habla de americanos de procedencia mexicana es usual la vocal inglesa [æ]: díámetro, gasolina, Ana María, accidente, saxofón, mecánico, adicional, accelerador y otros.

En el español cotidiano del Suroeste de los EE.UU. están presentes también consonantes inglesas [ʃ], [Ø], [v], [r].

La más frecuente es [ʃ]. En el habla espontánea fue revelada en los lexemas: extracción, nacionalidad y congresional que funcionaban con la sílaba [ʃjón]. Está también en las palabras sherife [ʃerife], pushar [puʃar] u sho [ʃo]. Estas formas son procedentes de las inglesas “sheriff”, “to push”, “show (movie)”, no están en los diccionarios, pero son usuales y normativas en el habla cotidiana de la población hispanohablante.

Como está indicado arriba, en unos casos aquí se usa la consonante inglesa [Ø]. Por ejemplo, el sustantivo español teorías se pronuncia como [Øéörías]. Sin duda, es la influencia de la inglesa “theories” – [‘Øíðriz].

Por nosotros fue fijada la realización del inglés [v], usual sobre todo en la posición entre consonantes sonoras o cuando inmediatamente después de ésta se utiliza una consonante no nasal.

Esporádicamente hemos fijado la consonante inglesa [r] en tales palabras, como: fruta, producto, teatro, proteger, toro.

Con respecto a los cambios léxicos, constatamos que aquí sucede ampliación (reducción) de los significados de las palabras típicas españolas y va apareciendo un diccionario propio. He aquí algunas ejemplos de la ampliación semántica de las palabras ancestrales españolas: en el estándar español la forma educación significa ‘buenas maneras’, en el inglés – ‘educación, estudios’; los últimos significados están adquiridos por el lexema analizado en el habla de los chicanos. Otro ejemplo es el siguiente: la palabra atender significa canónicamente ‘cuidar a alguien’, pero en el estándar inglés – ‘asistir a las clases, estar presente; cuidar a un enfermo’, etc.; en el habla de los americanos de procedencia mexicana significa – ‘cuidar a alguien; asistir a las clases, visitar’, etc.

Los siguientes sirven como ejemplos de una transformación completa semántica de las palabras ancestrales en el habla de los chicanos:

Español estandarizado	Inglés estandarizado	Español en el habla de los chicanos
biblioteca	library	librería
conferencia	lecture	lectura
éxito	success	suceso
padres	parents	parientes

En la región indicada, como resultado de la interferencia por parte del idioma inglés, ha aparecido un diccionario propio. Pondremos algunos ejemplos:

baica/baika – bicicleta

bas - autobús

faxear – enviar fax

fil - campo

finishero – aquel que cumple la parte final del trabajo

fríser – congelador

lonche – segundo desayuno, fiambre ligero

naifa – cuchillo

parkin/parquin – paradero, aparcamiento

picap – variedad de autocamión con la carrocería abierta,

etc.

Seguidamente ofrecemos una serie de fraseologismos que han aparecido en los EE.UU bajo la influencia del idioma inglés, los mismos que no son utilizados en otros países hispanohablantes:

No me chingues, Juan Domínguez (‘Don’t try to cheat, Pete’);

¿Me entiendes, Méndez, o te explico, Federico? (‘Ya see what I mean, Gene, or must I tell it all, Paul?’);

Candil de la calle, oscuridad de la casa (‘A saint abroad and a devil at home’);

Ser pájaros de la misma pluma (‘To be birds of a feather’);

Panza llena, corazón contento (‘A full stomach makes a happy heart’).

Con lo que se refiere a los cambios gramaticales en el español en el área dada, subrayamos que aquí se reduce el uso del Modo Subjuntivo, se simplifica significativamente el sistema de tiempos verbales. Por ejemplo, en el habla de americanos de procedencia mexicana en el Suroeste de los EE.UU se observa por todo lado el uso del Modo Indicativo en lugar del tradicional Modo Subjuntivo con los verbos que expresan negación y duda: No creo

que es necesario ('I don't think it's necessary') en vez de No creo que sea necesario; No creo que nadie lo puede hacer ('I don't think anyone can do it') en vez de No creo que nadie lo pueda hacer; Ignoro que lo hizo ('I don't know if he did it') y no Ignoro que lo hiciera; Su padre negó que era asaltante ('His father denied that he was an assailant') en vez de Su padre negó que fuera asaltante.

Una clara confirmación de la simplificación del sistema de tiempos verbales en el área estudiada nos da la amplia propagación de la construcción descriptiva **ir** (en el tiempo Presente de Indicativo) + a + Infinitivo para indicar el tiempo futuro. Es decir, en el Suroeste de los Estados Unidos se observa una tendencia clara de reemplazar el Futuro Simple por el Futuro Perifrástico. Veamos los siguientes ejemplos:

-... le gusta viajar con el carro, y me da mucha pena a mí, pero pues...ya tiene...va a cumplir los veinte años en nov...en ...enero.

- '...he likes travelling by car, and I feel sad, but... he is ... he is going to be twenty years old in Nov... Jan... January'.

-Antes que me dice eso, y creo que va a ir, vamos a tener mucho más oportunidades para yo conocer el hombre...

- 'Before he says that to me, I think there's going to, we're going to have much more opportunity for me to know the man...'

El consiguiente hecho que nos muestra la influencia del idioma inglés en el sistema de tiempos gramaticales del idioma español en los Estados norteamericanos indicados es la tendencia al uso de la construcción verbal estar + Gerundio en calidad de análogo del tiempo Presente de Indicativo. Como ejemplo tenemos: Sí, sí, te estoy oyendo en vez de Sí, sí, te oigo ('Yes, yes, I'm hearing you'); Estoy fumando y no Fumo ('I'm smoking'); El hijo está jugando al tenis en vez de El hijo juega al tenis ('The child is playing tennis') y otros ejemplos.

En los Estados nombrados también podemos constatar un raro uso del Modo Condicional. En su lugar, en unos casos, se utiliza el tiempo Pretérito Imperfecto de Indicativo. Por ejemplo: Me

dijo que al día anterior venía (según la norma vendría); Ya sabía que al día siguiente volvían (según la norma volverían). En calidad de un ejemplo más pondremos el diálogo entre un investigador y una estudiante de la Universidad de San Diego, la cual, siempre en sus respuestas, usaba el tiempo Pretérito Imperfecto en lugar del Condicional:

- Oye, ¿a tí te gusta la nieve?
- Sí.
- ¿Qué te ... qué sabor?
- De... de chocolate.
- De chocolate. ¿Qué harías tú si no hubiera nieve?
- Tomaba agua nomás.

Como vemos de este ejemplo, la expresión Si no hubiera nieve, tomaba agua nomás se diferencia del estandarizado Si no hubiera nieve, tomaría agua nomás. Es decir, el contexto de por si sobreentiende el funcionamiento del Condicional y no del Indicativo.

Quiere decir que las particularidades nacional – culturales del idioma español en el territorio de los Estados, enumerados línea arriba, son, entre otras cosas, un desplazamiento en la realización de las unidades fonéticas, léxicas y gramaticales y trae consigo el establecimiento de sus propias normas territoriales.

En el proceso de la enseñanza de idiomas extranjeros en las Instituciones de Educación Superior, es necesario dar a los estudiantes los conocimientos, contenidos en el presente trabajo, lo que sin lugar a dudas, les ayudará a llegar a ser especialistas altamente calificados.